

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГИДРОМЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Кафедра отечественной филологии и русского языка как иностранного

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

На тему: Поэтика литературной сказки К. Ушинского

Исполнитель Репина Анна Сергеевна

(фамилия, имя, отчество)

Руководитель доктор филологических наук, профессор

(ученая степень, ученое звание)

Ерофеева Наталья Евгеньевна

(фамилия, имя, отчество)

«К защите допускаю»

Заведующий кафедрой

(подпись)

кандидат педагогических наук, доцент

(ученая степень, ученое звание)

Кипнес Людмила Владимировна

(фамилия, имя, отчество)

«18» января 2024 г.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

2024

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. Основные этапы развития русской литературной сказки от М. Хераскова до К.Д. Ушинского	9
1.1. Русская литературная сказка: пути становления	9
1.2. Особенности русской литературной сказки второй половины XIX века	14
1.3. Педагогические идеи К. Д. Ушинского и его литературное творчество	19
ГЛАВА 2. Художественное своеобразие литературных сказок К. Д. Ушинского	27
2.1. Особенности изображения мира растений и животных в авторских сказках К. Д. Ушинского	27
2.2. Эмотивные образы природы в сказках К. Д. Ушинского	34
2.3. Новые герои «умных сказок» русского педагога	42
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	51
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	57

ВВЕДЕНИЕ

В 2023 году отмечался 200-летний юбилей со дня рождения Константина Дмитриевича Ушинского (02.03.1823 – 03.01.1871), вошедшего в историю как выдающийся педагог, мыслитель, публицист, детский писатель.

Его педагогические идеи, ориентированные на необходимость нравственного и трудового воспитания, признание особой роли слова в процессе развития духовного потенциала ребенка до сих пор востребованы, а известные «Родное слово» и «Детский мир» являются основой чтения для детей разного возраста и рассматриваются педагогическим сообществом как залог успешной реализации любых педагогических задач.

Особое место в наследии К. Д. Ушинского занимают литературные сказки. Они в равной степени интересны и детям, и взрослым.

В статье И. В. Цикушевой справедливо замечается, что, в отличие от сказки фольклорной, «литературная сказка свободна в совмещении мифологических элементов, традиций фольклорных сказок, а также легенд, преданий и т.п., поскольку авторы нового времени имеют возможность творчески опираться на все достижения отечественной и мировой культуры» [Цикушева, 2008].

Одной из важных особенностей литературной сказки является наличие авторского начала, определяющего развитие темы, сюжета, системы образов. Отсюда и более направленная дидактика сказки. Если говорить о наследии К. Д. Ушинского, то следует помнить, что в центре внимания исследователей оказывалась именно педагогическая система автора, нашедшая отражение на страницах его литературных произведений. Так, в работе М. А. Данилова «Дидактика К. Д. Ушинского» приводится подробный разбор исследований, посвященных дидактике К. Ушинского, среди которых работы Д. Семенова, А. Старчевского и др. М. Данилов приводит слова Л. Семенова о книге К. Ушинского «Детский мир»: «эта книга носит энциклопедический характер,

вытекающий из принципа единства формального и реального образования, который и лег в основу книги, причем обучение отечественному языку составляет главную задачу книги для чтения, а реальное содержание служит лишь средством для достижения главной цели» [цит. по: Данилов М. 1999]. Однако долгое время ни педагогические идеи, ни литературное творчество не становилось предметом научного изучения. Только в 1896 году Н. Ф. Бунаков представил первое исследование, в котором постарался обосновать новизну взглядов К. Ушинского как педагога-новатора, но не как литератора. Тем не менее, его слова по-прежнему актуальны и показывают многогранность личности педагога. В четвертом номере журнале «Русский начальный учитель» за 1895 год Н. Ф. Бунаков опубликовал статью «Всемирный педагог Песталоцци и русский педагог Ушинский», в которой писал: «"Руководство к «Родному слову»" и теперь у нас лучшая книга по методике первоначального обучения, необходимая для каждого начального учителя, и что практика обучения у нас до сих пор стоит ниже этого превосходного руководства» [цит. по: Данилов М. 1999]. Он высоко отзывается не только о личности, но и о его педагогических идеях, объединявших русского педагога с европейцами, но с трудом утверждавшиеся в русском обществе того времени.

Высоко педагогическое наследие оценивали и другие мыслители. Например, П. Ф. Каптерев, автор «Истории русской педагогики (1915), А. Н. Острогорский в предисловии к «Собранию неизданных сочинений К. Д. Ушинского» (1908), В. Я. Струминский, занимавшийся архивом педагога после его смерти, и др. Много работ посвящено биографии К. Д. Ушинского. Среди них статья в журнале «Педагогический листок» А. Лебедева (1910), работа Н. В. Чехова (1914) и др. Все авторы сосредоточены на разработке и фиксации основных педагогических идей русского педагога. И только частично роль родного языка и литературы затрагивает Д. И. Тихомиров в статье «Значение К. Д. Ушинского для народной школы», опубликованной в «Педагогическом листке» за 1901 год.

В советский период много внимания уделялось философским взглядам К. Д. Ушинского, о чем свидетельствуют работы ведущих исследователей того периода в журнале «Советская педагогика» за 1945 год Е. Н. Медынского и Н. К. Гончарова. И только в 1948 году Д. О. Лордкипанидзе представил исследование, в котором впервые постарался объективно проанализировать взгляды педагога, хотя и свел в результате свои выводы к тому, что несмотря на некоторые идеалистические представления, в наследии К. Ушинского преобладают законы разума.

Дидактика К. Ушинского в 1940-е годы XX века стала предметом анализа в работах Н. И. Панкова, Н. Казанского, С. Х. Чавдарова и др.

Среди ученых последних лет, чьи исследования посвящены педагогическим идеям К. Д. Ушинского, можно выделить М. А. Захарищеву, Э. И. Ильясову, Л. Ю. Канокову, А. В. Хуторского, Лань Ян и др.

Среди тех педагогов-методистов, которые анализируют художественное творчество К. Д. Ушинского применительно к детскому чтению, в основном дошкольному и младшему школьному возрасту, можно назвать интересные работы И. А. Горячевой, В. Власова, В. Макаева, П. Б. Кочетовой, Д. Юровой и др., рассматривающих «Родное слово» и «Детский мир» К. Ушинского как основу детского чтения.

Такие авторы, как И. Н. Арзамасцева, Е. Барутчева, Б. А. Бегак, Л. С. Саломатина, Ф. И. Сетин, Л. В. Годоров, Е. Белозерцева, А. Жигулева и др. рассматривают прежде всего личность педагога, много внимания уделяя его биографии, обосновывают педагогический потенциал его литературного наследия. В учебниках по детской литературе, подобно книге И. Н. Арзамасцевой, творчеству К. Д. Ушинского посвящена отдельная глава [Детская литература 2000].

Имя К. Д. Ушинского входит во все справочники и каталоги детских писателей России, о нем написаны статьи в энциклопедиях и учебниках.

Анализ литературы показал, что при всем многообразии работ, посвященных личности и педагогическому наследию К. Д. Ушинского,

преобладают психолого-педагогические работы. На сегодняшний день нет работ, посвященных поэтике его литературной сказки для детей и взрослых. Этим обусловлена **актуальность работы**: необходимостью в рамках студенческого исследования обратиться к литературному наследию К. Д. Ушинского, обосновать новаторство поэтики его литературной сказки писателя и определить место его произведений в системе литературного чтения современного человека независимо от возраста.

Цель работы – проанализировать своеобразие поэтики литературной сказки К. Д. Ушинского.

Задачи:

– проследить пути развития литературной сказки в XIX веке от М. Хераскова до К. Ушинского;

– рассмотреть основные темы и мотивы русской литературной сказки указанного периода;

– изучить педагогические идеи К. Д. Ушинского, нашедшие отражение в его авторских сказках;

– рассмотреть особенности изображения природы, мира человека и животных, нетипичных персонажей (плуг, лавка, мастерская, радуга и др.) в тексте авторской сказки писателя-педагога, обосновать новаторство его эмотивных и зооморфических образов.

Объектом исследования является педагогическое и литературное наследие К. Д. Ушинского.

Предмет исследования – поэтика литературной сказки К. Д. Ушинского.

Материалом исследования послужили авторские сказки К. Д. Ушинского в сборниках «Родное слово», «Детский мир и хрестоматия», а также тексты сказов в современных изданиях: «Рассказы и сказки» (2014), «Сказки и рассказы» (2019) и др.: «Лиса и козел», «Петух да собака», «Храбрый собака», «Бишка», «Плутышко кот», «Лиса и гуси», «Ветер и солнце», «Солнце и радуга», «Проказы старухи зимы», «Два плуга»,

«История одной яблоньки», «Как рубашка в поле выросла», «Утренние лучи», «Дети в роще», «Мужик и медведь», «Золотое яичко», «Как аукнется, так и откликнется», «Спор воды с огнем».

В работе также использовались авторские сказки других русских писателей XVIII-XIX века.

Научная новизна данной работы в том, что:

– дается анализ поэтики литературной сказки в контексте педагогики К. Д. Ушинского;

– предлагается классификация сказок в соответствии с фигурами центральных персонажей и рассматривается новаторство писателя в развитии типичных и нетипичных героев (человек, природа, неодушевленные предметы (плуг, мастерская, лавка и др.)

– рассматривается своеобразие зооморфических и эмотивных образов, в том числе сад, мастерская, мороз, ветер, радуга и др.

Теоретическая значимость:

– уточняется понятие авторской сказки как литературной сказки с четко выраженным дидактическим началом, заложенным писателем или поэтом, и ориентированным на формирование конкретного педагогического смысла, определяющего поведение человека (персонажа) в конкретной жизненной ситуации и раскрывающего его нравственный потенциал;

– устанавливается, что ключевыми понятиями в сказках К. Д. Ушинского выступают добро, труд, уважение и любовь к ближнему;

– определяется взаимосвязь мотивов и образов с сюжетом литературной сказки.

Методологическая основа исследования. Основой исследования послужили теоретические труды по истории педагогики, психологии и наследию К. Д. Ушинского Б. Г. Ананьева, Б. А. Бегеца, П. П. Блонского, В. П. Бранковича, Н. Ф. Бунакова, П. С. Выготского, П. Ф. Каптерева, Н. К. Гончарова, М. А. Данилова, Э. Д. Днепров, Л. В. Тодорова и др.; работы по теории фольклорной и литературной сказки В. П. Аникина,

О. А. Егоровой, А. В. Жарковой, В. В. Зубченко, О. С. Костарновой, С. С. Кошкиной, Т. Г. Леоновой, И. П. Лупановой, Л. В. Овчинниковой, В. Я. Проппа, Е. А. Сухорукова и др., а также работы по истории и теории литературы И. Н. Арзамасцевой, С. А. Николаевой, В. Е. Хализева, Н. Д. Тamarченко, др.

Методы исследования: системный, сравнительный, биографический на основе историко-теоретического подхода.

Практическая значимость. Материалы данной работы могут быть использованы при изучении педагогического наследия К. Д. Ушинского и при изучении теории и методики преподавания литературы в начальной и общеобразовательной школе.

Структура работы: дипломная работа состоит из введения, двух глав, заключения и списка используемой литературы.

ГЛАВА 1. Основные этапы развития русской литературной сказки от М. Хераскова до К. Д. Ушинского

1.1. Русская литературная сказка: пути становления

На протяжении долгого времени литературная сказка завоевывала право стоять наряду с другими главенствующими жанрами русской литературы. Со временем литература выработала свой уникальный стиль, создав определенное течение литературы, где впервые гармонично сочетаются фантастика и реальность. Все писатели того времени стремились объединить элементы реальности и фантастического мира, передавая наследие фольклора. Из-за этого каждому автору неслучайно хотелось взглянуть на окружающий мир через призму волшебной сказки - пространства, которое выходит за рамки времени.

Л. В. Овчинникова в своей диссертации на тему «Русская литературная сказка XX века: история, классификация, поэтика» выделяет несколько периодов формирования литературной сказки: допушкинский, пушкинский, послепушкинский (Овчинникова, 2003).

Допушкинский период (первая треть XVIII века – начало XIX века) ознаменовался закреплением литературной сказки как самостоятельного жанра.

В данный период сказочные мотивы находят отражение в творчестве И. Ф. Богдановича, М. М. Хераскова и Н. М. Карамзина.

«Бахариана» М. М. Хераскова определяется самим автором как «волшебная повесть, почерпнутая из русских сказок», нередко он мог высказаться о ней и как о «просто сказке». Само название, образованное от слова «бахарь»-сказочник, настраивает читателя на непринужденное, легкое и ироничное настроение произведения. Собственно, такой и была литературная сказка того периода – несерьезной и несущей в себе исключительно развлекательную функцию. В этот период через сказки еще

не транслировались собственные убеждения авторов об устройстве мира и взгляды на политические движения.

Привлекает внимание сборник под названием «Сказка за сказкой» (1841- 1844). Было выпущено четыре тома. В нем собраны исторические и бытовые повести, имеющие впоследствии большой успех среди читателей. В. Г. Белинский в предисловии к изданию писал: «Странное зрелище представляет собою теперь русская, или – что все равно – петербургская литература! В ней все, что вам угодно: и драмы, и комедии, и водевили, и романы, и повести, и стихи, и привилегированные типографии, и журналы, и газеты, и книги, и альманахи, и, особенно, объявления на разные издания, срочные и бессрочные, с полтипажами и без полтипажей, и такие, которые уже издаются, или непременно будут издаваться, и такие, которые никогда не будут издаваться...» [Сказка за сказкой 1841: 2]. В сборник вошли исторические истории, которые мало напоминали традиционный фольклорный жанр, а больше соответствовали первоначальному значению слова «сказка» – «сказание, рассказ», и были ближе к былинным рассказам, легендам из истории прошлого, напоминая о величии прошлых побед русского оружия, о национальных героях. Среди них «Сержант Иван Иванович Иванов, или Все за одно» Н. В. Кукольника, которым и открывался сборник, «Шах и мат : историческая повесть XIV столетия» А. Грамотова (псевд.), рассказ «Дуняша» О. П**, «Эдуард и Кунигунда, или Серебряная свадьба: анекдот» Н. В. Кукольника, «Полковник Лесли : исторический рассказ» Н. В. Кукольника, «Мертвые головы, или Русские в Чечне: повесть» П. Каменского.

Пушкинский период развития и становления литературной сказки был тесно связан с эпохой романтизма. В это время творили великие российские авторы В. А. Жуковский, М. Ю. Лермонтов, и, собственно, А. С. Пушкин. В это время начинается теоретическое осмысление взаимодействия фольклорных жанров и авторских сказок. В предисловии к сборнику «Литературная сказка пушкинского времени» во вступительной статье

Н. А. Тархова отметит, что только в конце восемнадцатого века сказочным мотивам удалось найти свое место в литературе, а в девятнадцатом столетии интерес к сказке заметно вырос: «Писатели того времени не просто решали насущные задачи развития русской национальной литературы, осваивая в своем творчестве народную сказку» [Тархова 1988].

О связи фольклора и литературы можно говорить в творчестве В. А. Жуковского, среди произведений которого выделяется поэма «Ундина». Ее сюжет основан на древних легендах, на истории о русалке, которая хочет получить душу. Сомнения, внутренние переживания, сопровождающие выбор Ундины, поражают глубоким психологизмом, вводят героиню за пределы чисто сказочного мира и наделяют ее способностью к добру, делают ее человеческой. Фантастический элемент, волшебство преобразования теперь касается не тела, а прежде всего души. Священник, который задает вопрос Ундине:

Ундина,
Резвость такая забавна, но в эту минуту приличней
Было бы вам, новобрачной, подумать о том, как с душою
Данного богом супруга свою сочетать христиански
Душу

[Жуковский 1837:37].

справедливо обижается, услышав и увидев ее реакцию:

Душу? – смеясь, закричала Ундина. – Такое
Слово приятно звучит; но много ли в этом приятном
Звуче смысла? А если кому души не досталось,
Что тому делать? Еще сама я не знаю, была ли,
Есть ли душа у меня?

[Там же].

В этот момент читатель тоже задумывается, потому что фантастическое, нереальное пугает. Но тут же Ундина просит прощения у священника, потому что она впервые захотела исповедаться. О том, насколько ей это тяжело дается, ей, незлобному существу, как она сама себя называет, свидетельствует ее реакция. Словно выныривая из глубины вод, она, побледнев, разрыдалась. Тяжелая тайна томит ее сердце. Живое, человеческое, пробивается с болью:

Великое бремя,
Страшное бремя душа! при одном уж ее ожиданье
Грусть и тоска терзают меня; а доньше мне было
Так легко, так свободно
[Жуковский 1837:38].

В. Жуковский поднимает важные вопросы этики, превращает известную легенду в серьезный разговор о смысле бытия, о чувстве, о нравственном выборе.

Особенно важный вклад в развитие литературной сказки внес А. С. Пушкин. Советский филолог-фольклорист В. П. Аникин в своей книге «Русская народная сказка» отмечал, что А. С. Пушкину крайне грамотно удалось объединить в своих сказках фольклор и литературу: «Пушкин разгадал тайну русского духа и передал ее в своих сказочных произведениях» [Аникин 1977]. Об этом знамениты сказки «О попе и его работнике Балде», «Сказка о царе Салтане», «О мертвой царевне и семи богатырях», в которых утверждение идеи добра и любви всегда торжествует над завистью. Злобой, корыстью, а традиционный персонаж дурачка приобретает социальную характеристику, одурачивая не только чертей, и своего хозяина – пока, ставшего в один ряд с бесами. Не случайно В. П. Аникин, говоря о функциональном предназначении сказки, писал: «Сказки – своеобразный идейно-эстетический и этический кодекс народа, здесь воплощены нравственные и эстетические понятия и представления трудового народа, его

чаяния и ожидания. В сказочной фантастике отражаются черты народа, ее создавшего. В радостном и светлом вымысле отражена вера народа в победу над черными силами гибели, разрушения, вера в социальную справедливость»[Аникин1977].

В определенной степени критиком и даже противником авторской сказки выступил В. Г. Белинский, поскольку был убежден, что только доподлинно народные сказки с соблюдением исконных фольклорных традиций имеют право на жизнь в обществе. Критик был убежден, что заимствуя фольклорные сюжеты и образы для создания совершенно новых произведений, любой автор легко может разрушить все, что было накоплено фольклором. Он опасался, что литературная сказка может полностью заменить фольклорную, а это будет означать победу «недостойного подражателя». Так он называл писателей-сказочников. Однако после знакомства с различными литературными сказками В. Г. Белинский отметил, что этот жанр становится более реалистичным и социально ориентированным, что он отвечает потребностям и проблемам общества, а также признал, что важность литературной сказки в формировании моральных ценностей. Отчасти такой смене настроений литературного критика способствовало творчество В. Ф. Одоевского. Известно, что В. Одоевский выделил определенные дидактические принципы, служащие для передачи важных образовательных и нравственных уроков для читателя. Эти принципы помогают автору обращаться к читателю через сказочные образы и события, что делает материал более привлекательным и запоминающимся, если говорить о тексте с позиций педагога-методиста.

1.2. Особенности русской литературной сказки второй половины XIX века

Послепушкинский период имеет столь же важное значение для развития литературной сказки. Именно во второй половине XIX века авторская или литературная сказка обретает дидактический, аллегорический и сатирический смыслы. В этот период в этом жанре начинают активно работать М. Е. Салтыков-Щедрин, Л. Н. Толстой и другие. В жанре познавательно-педагогической сказки также начнет писать и педагог К. Ушинский.

Во второй половине XIX века литературная сказка становится популярной в литературном обществе, она отмечена уникальными чертами, которые отражают дух времени и характеризуют культурную эволюцию общества. Каждый писатель анализируемого периода внес свой особый вклад в дальнейшее развитие авторской сказки, а также получил возможность через данный жанр выражать свои нравственные или политические взгляды. Философия сказки начинает приобретать новые смыслы: сатирические, агитационно-пропагандистские, социально-дидактические.

Писатель М. Е. Салтыков-Щедрин создал ряд сатирических произведений, в которых подверг критике государственное устройство и основы бюрократического общества [Горячкина 1965: 8]. Остроту поставленной проблемы он выделял через иронию и гротеск. К примеру, в сказке «Праздный разговор» ему удалось показать проблемы взяточничества и краж государственных средств, что было крайне опасной темой в цензурном отношении. Используя традиционный зачин, автор не упускает возможности поиздеваться над современниками, подчеркнуть их ограниченность и ретроградность. Его губернатор из прошлого, из вольтерьянцев: «Нынче этого нет, а было такое время, когда и между сановниками вольтерьянцы попадались. Само высшее начальство этой моды держалось, а сановники подражали.

Вот в это самое время жил-был губернатор, который многому не верил, во что другие, по простоте, верили. А главное, не понимал, для какой причины губернаторская должность учреждена.

Напротив, предводитель дворянства в этой губернии во все верил, а значение губернаторской должности даже до тонкости понимал.

И вот, однажды, уселись они вдвоем в губернаторском кабинете и заспорили» [Щедрин:электронный ресурс].

О совести, о честности, о служении говорится достаточно откровенно. Не случайно именно эту сказку критики и современники признавали самой острой и смелой. Даже совестливые смущения героев в финале больше вызывали смех, чем сочувствие

Также следует вспомнить «Повесть о том, как один мужик двух генералов прокормил». В том же сатирическом ключе описываются события: «...генералы нашли на необитаемом острове газету «Московские ведомости», где все статьи посвящены еде, сами тексты тоже гротескны: «вчерашнего числа, по случаю поимки в реке Упе осетра (происшествие, которого не запомнят даже старожилы, тем более что в осетре был опознан частный пристав Б.), был в здешнем клубе фестиваль» [Салтыков-Щедрин1886:3]. В этой сказке писателя называет паразитизм и неспособность высших чинов к труду как великий общественный грех. Над пороками современного общества М. Щедрин открыто смеется и в таких сказках, как №Медведь на воеводстве», «Ворон-челобитчик», «Орел-меценат», «Гиена» и др.

Не менее острым сказочником был Н.С. Лесков. Помимо сказок, основой которых являлось выражение политических взглядов писателя, его несогласие с господствующей системой, многие тексты были направлены на своего современника. Среди сказок Н. С. Лескова особое место занимает «Левша». В произведении удивительным образом сказочное и бытовое, реалистическое, критическое начала переплетаются и создают неповторимую палитру повествования. Писатель выразил социально-психологическую и духовно-нравственную проблематику современности. Главный герой Левша,

по мнению Г. М. Ибатуллиной, «представлен как художественный тип, воплощающий особенности национально-русского сознания, души, характера; он не просто уникальный мастер, он один из «многих величайших гениев» [Лесков 2020: 194], о которых слагаются «народною фантазией» мифы и предания; не случайно, и по сюжету рассказа – он один из трех мастеров, подковавших блоху и репрезентирующих русских умельцев целом. Левша как национально-исторический тип, изображенный одновременно героем сказочного сюжета, обнаруживает тем самым и свою архетипическую сущность» [Ибатуллина 2014].

«Безымянный» Левша становится олицетворением нового видения и понимания общества России. Одним из ведущих в произведении обозначается мотив дороги. В нем выражается путь России к идеалу. Левша становится олицетворением пути России к самосовершенствованию [Там же].

Также к сказке, как к способу отражения особенностей эпохи, обращался В.М.Гаршин. Его сказка «То, чего не было» с удивительной точностью описывает обывательскую жизнь мещан. В произведении поднимаются крайне острые проблемы реалий исторической эпохи автора. Сказка описывает, как компания ведет спор о том, кто более трудится и заслуживает восхваления. Спор напоминает поэму Н. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо», но превращает спор в пародию на мещанскую жизнь через аллегорические образы-символы «неславших господ»: гнедого, навозного жука, двух мух, ящерицы и улитки. Каждый из них считает себя благородным мыслителем и великим деятелем. Стоит отметить, что автор практически не высказывал своей позиции и не давал оценок героям, лишь выделяя основную мысль: у каждого своя правда. Однако, мотив смерти в самом конце все же дает понять читателю настроение автора: раздражение и желание прекратить этот глупый спор.

Значительное место в литературной сказке анализируемого периода занимают сказки, основанные на поиске счастья, любви и правды. Автор отправляет своего персонажа на поиски в, зачастую отдаленные, углы

планеты и даже за ее пределы. Помимо странствий по местности герою иногда приходится путешествовать и во времени, чтоб обрести желаемое, как в сказке С. Т. Аксакова «Аленький цветочек». Младшая дочь купца находит свое счастье «...за тридевять земель, в тридевяти царстве, тридесятом государстве» [Аксаков1938: 7]. Но, обращаясь к сказке «Лягушка-путешественница» В. М. Гаршина, мы можем увидеть, что желание достичь «прекрасного далеко» не всегда оправдано. Лягушка, героиня сказки, жила и радовалась своему болоту, но услышав про «славные теплые болота» решает, что ей недостаточно тех радостей жизни, которыми она довольствуется. Несмотря на все свое желание и свои искренние побуждения, ей не удается добраться до «счастливого места». Писатель близок к соглашательству и даже смирению, когда предлагает не гнаться за новой жизнью и не менять установленный порядок вещей, а научиться видеть прелести этой жизни рядом.

Русские писатели зачастую обращались к мотивам зарубежных сказок, заимствуя сюжеты и идеи. Та же сказка «Аленький цветочек» обращается к произведению древнеримского философа Апулея об «Амуре и Психее». Основной идеей стало отображение главной мысли – чтоб достичь счастья, нужно пройти множество испытаний, а уже после получить заветное, но необходимо на этом пути остерегаться завистников и злоумышленников.

В свою сказку «Аленький цветочек» С. Т. Аксаков заложил национальные нравственные ценности, среди которых верность, любовь, дом, преданность, благородство, щедрость души, что придало ей оригинальности и направленности на русскую аудиторию.

Тема заморского подарка дочерям звучит и в сказке Л. Толстого «Ореховая ветка». А в сказке «Липунюшка» за основу взят сюжет сказки Шарля Перро «Мальчик с пальчик», в которой добро побеждает зависть богача. В других сказках Л. Толстой также поднимал тему социального неравенства, но простые и честные герои всегда выходили победителями, как в сказке «Работник Емельян и пустой барабан».

Русские герои стали также персонажами сказок Л. Н. Толстого «Святогор богатырь. Былина», «Как боролся русский богатырь», «Вольга-богатырь. Былина», «Смерть Олега» и др.

Литературная сказка Л.Н.Толстого всегда носит ярко выраженный дидактический характер, потому что писатель был убежден, что словом можно учить добру, а через образы художественных произведений показывать нравственные образцы, как в сказке «Уж», которая учит молодое поколение верности, честности и смирению, или сказка «Два брата».

Итак, литературная сказка в творчестве русских писателей стала необходимой частью диалога со своими юными читателями, ориентируя их на актуальные вопросы того времени. Отсюда такое разнообразие тем и мотивов в сказках, закрепляющих авторское начало в развитии главной идеи произведения. Развивая некоторые фольклорные традиции волшебной сказки, сказки о животных, былин и легенд, поэты и писатели на протяжении XIX века научились говорить языком сказки о важных вещах. Отсюда и такие понятные сатирические сказки М. Е. Салтыкова-Щедрина, Н.С. Лескова, и романтические сказки С. Т. Аксакова, и поучительные, и патриотические сказки в творчестве Л.Н. Толстого.

Таким образом, в XIX веке литературная сказка стала отдельным жанром и приобрела огромную популярность в обществе. Этот период в истории русской литературной сказки характеризовался особыми гранями, которые отражали дух времени и культурную эволюцию общества. Каждый писатель внес свой особый вклад в развитие авторской сказки и использовал жанр для выражения своих нравственных, политических взглядов, социально-психологических и духовно-нравственных поисков.

Литературные сказки XIX века несут не только нравственные уроки, но и познавательные сведения о природе, связях между предметами и их функциях. Произведения Л.Н. Толстого, а позже К.Д. Ушинского, являются примерами таких дидактических сказок, которые не утратили своей актуальности по сей день.

В жанре дидактической сказки будет писать К. Д. Ушинский. Их писатель ставил «выше» рассказов. Чтобы понять художественное новаторство в разработке авторской сказки писателя К. Д. Ушинского, необходимо более подробно остановиться на педагогических идеях, нашедших художественное выражение в его произведениях для детей, в первую очередь.

1.3. Педагогические идеи К. Д.Ушинского и его литературное творчество

Не оспорим тот факт, что К. Д. Ушинский сыграл огромную роль в формировании системы образования и способствовал созданию подлинно национальной школы в целом. Соавтор классической хрестоматии «Родное слово» и соратник писателя-педагога Л.Н.Модзалевский, писал: «Ушинский – это наш действительно народный педагог, точно также, как Ломоносов – наш народный ученый, Суворов – наш народный полководец, Пушкин – наш народный поэт, Глинка – наш народный композитор» [Модзалевский2000: 193].

Становление будущего педагога-мыслителя прошло под влиянием важных исторических событий, обусловивших будущее России и жизни самого К. Ушинского. Каждый этап его жизни поспособствовал трансформации и самореализации его личности.

Константин Дмитриевич родился в Туле в семье отставного офицера. Детство и отрочество он провел в имении «Урочище Покровщина», на берегу реки Десны. Блестящая будущая карьера была предопределена домашней библиотекой семьи, благодаря которой будущий писатель рос крайне любознательным ребенком. Получив начальные, базовые знания, он с легкостью поступает в прекрасную гимназию под предводительством И. Ф. Тимковского, который в последующем пользовался наибольшим авторитетом среди остальных педагогов гимназии. Сам Константин с теплотой вспоминает это время: «Воспитание, которое мы получили... в

бедной уездной гимназии маленького городка Малороссии Новгорода-Северского, было в учебном отношении не только не ниже, но даже выше того, которое в то время получалось во многих других гимназиях. Этому много способствовала страстная любовь к науке и несколько даже педагогическое уважение к ней в покойном директоре Н-ской гимназии, старике профессоре, имя которого известно и ученой литературе, – Илье Федоровиче Тимковском» [Еголин1952: 21]. Отчасти именно он задал вектор гуманитарному направлению деятельности Константина. После успешного обучения он поступает в Московский университет, где так же находит единомышленников среди преподавательского состава, таких как Петр Григорьевич Редкин, профессор философии государства и права, оказавший влияние на его занятие педагогикой. Именно в данный период его впервые заинтересовали проблемы в сфере образования и недовольство «упрямым консерватизмом». Не меньше его возмущало стремление Вольтера убрать из образования религиозное основание. Позже в своем труде «О пользе педагогической литературы» он отметил: «во Франции именно искусство воспитания далеко не процветает» [Там же].

Получив магистерскую степень Константин по распределению попал в Демидовский юридический лицей. В достаточно молодом возрасте он получает должность профессора энциклопедии законоведения, государственного права и науки финансов. Благодаря своим взглядам его лекции пользовались спросом среди молодой аудитории: там он открыто выражает свои взгляды о свободе человека, его праве на личное достоинство и необходимости всестороннего развития. «Старая школа» была не в восторге, его коллеги-преподаватели относились с нескрываемым предубеждением. В связи с этим ему пришлось оставить Демидовский лицей. Именно там он первый раз узнает о нюансах выбранной карьеры: стремление модернизировать и усовершенствовать систему образования будет восприниматься враждебно большинством будущих коллег и руководителей, несмотря на то, что все его действия предпринимались во благо прогресса

России. После отставки Константину было крайне трудно обрести новое место работы, поэтому он стал переводить статьи и рецензии иностранных журналов. В определенной степени это повлияло на мышление и кругозор будущего великого методиста. Ему становятся доступны труды о проблемах обучения, образования и воспитания других стран и обучающих заведений. Именно тогда начинается его сотрудничество с журналами «Современник» и «Библиотека для чтения».

Перерыв в преподавательской деятельности в течении четырех лет не повлияли на желание Константина заниматься педагогикой. Следующим местом его деятельности становится Гатчинский сиротский институт. Воспитанники данного заведения были направлены как раз-таки на служение в департаментах и министерствах, а вера в царя, Отечество и устоявшуюся идеологию – она неприкосновенна и беспрекословна. Позже Ушинский напишет об этом заведении: «Канцелярия и экономия наверху, администрация в середине, учение под ногами, а воспитание – за дверьми здания» [Егорова 1988: 67]. Несмотря на это, здесь Константин впервые на практике применяет свои способности и демократические убеждения. Ему удается обнаружить архив, а точнее «полное собрание педагогических книг» [Еголин 1952: 214], прежнего инспектора Егора Осиповича Гугеля, благодаря которому он приобрел фундаментальную базу необходимых для работы основ. Данные педагогические книги оказали неизгладимое впечатление на Константина, ведь впоследствии он напишет статью «О пользе педагогической литературы». В данной статье он впервые затронет тему роли психологической науки в процессе воспитания: «... Но разве на деле не всякий педагог – и без того психолог? Он изучает своего воспитанника, его способности, наклонности, достоинства и недостатки, подмечает развитие ума, руководит им, хочет давать направление воле, упражнять рассудок, раскрывать разум, борется с леностью, с упорством искореняет дурные природные наклонности, формирует вкус, внушает любовь к истине – словом ежеминутно вращается в области психологических явлений»

[Ушинский1895:14]. Также в данный период были написаны такие фундаментальные статьи, как «Три элемента школы» и «О народности в общественном воспитании», где ему удалось проследить связь культуры и истории, а также их закономерности в истории развития системы воспитания в Европе. Он вывел, что каждый народ имеет основу воспитания, которая составляет общее европейское наследие и христианство. Благодаря этому в последующем формируются государства и народы, а также всеобъемлющая любовь к Отечеству. В данной работе он сформулировал основную задачу воспитания человека: «Воспитание берет человека всего, как он есть, со всеми его народными и единичными особенностями, - его тело, душу и ум, - и прежде всего обращается к характеру человека; характер и есть именно та почва, в которой коренится народность» [Ушинский2015: 81].

В трудах К. Д. Ушинского прослеживается нить размышлений о том, что педагогика должна строиться на научной основе и быть практически применима, так как учитель, либо же воспитатель несет ответственность за развитие нравственности и ума воспитанника, а вместе с этим и за будущее страны, Отечества. Ушинскому удастся обнаружить и выявить связь меж воспитанием поколения и построением здорового, образованного общества будущего.

Вышеописанные статьи сделали К. Д. Ушинского известным на всю Россию педагогом-теоретиком. С момента выпуска статей он стал постоянным публицистом издания «Журнал для воспитания» и именно там на регулярной основе печатал свои новаторские статьи о идеях об образовании. Его имя по значимости встало рядом с Н.И.Пироговым, выдающимся русским ученым, а после и опередило его. Оно стало некоей приоритетной парадигмой национальной школы, будучи так необходимой русскому обществу.

Спустя время, имея прекрасную репутацию в широких кругах, Ушинскому удастся получить должность инспектора классов Смольного института, где ему удастся воплотить в жизнь свои смелые идеи и провести

множество радикальных реформ. Впоследствии ему удается получить место редактора педагогического издания – «Журнал Министерства народного просвещения», где К. Д. Ушинский опубликует знаменитый цикл произведений, куда войдут «Труд в его психическом и воспитательном значении», «О нравственном элементе в русском воспитании» и «Родное слово». Статья «Труд в его психическом и воспитательном значении» была актуальна как в те времена, так и сейчас. В ней рассматривается проблема того, что только через труд может произойти формирование характера, а также развитие остальных эмоциональных и физических качеств, однако и развитие это происходит во имя «общего блага»: «Материальные плоды трудов можно отнять, наследовать, купить, но внутренней, духовной, животворящей силы труда нельзя ни отнять, ни наследовать, ни купить за все золото Калифорнии: она остается у того, кто трудится» [Ушинский 2015: 221].

Труд для К. Д. Ушинского соотносится с понятием нравственности, так как она играет главную роль в формировании личности. Этой проблеме также посвящена отдельная статья «О нравственном элементе в русском воспитании». Там обозначена мысль, что никакие знания не будут полезны без нравственных основ, а также развитие ума абсолютно бессмысленно без применения нравственности при обучении: «К чему учить историю, словесность, все множество наук, если это учение не заставит нас полюбить идею и истину больше, чем деньги, карты и вино, и ставить духовные наслаждения выше телесных, духовные достоинства выше случайных преимуществ?» [Ушинский 2015: 221].

В 1862 году, будучи «неблагонадежным», но под предлогом необходимости пройти лечение, К. Д. Ушинский покинул Россию, продолжая изучать традиции образования в Швейцарии, Германии, Франции и др. европейских странах. Вернулся в Россию только в 1867 году, но именно за границей в 1864 он написал свои книги «Родное слово» и «Детский мир», ставшие основой начального литературного образования. Педагоги убеждены, что в этих книгах заложены основы современной педагогики. В

них были предусмотрены многочисленные нюансы обучения и воспитания. Особенно педагогов и учащихся привлекал легко осваиваемый естественнонаучный материал, так как К. Д. Ушинский считал, что знание природы развивает в ребенке базовые умения и навыки, а законы природы самые логичные и понятные, что позволит ребенку проецировать эти законы на формирование логического мышления.

В названных книгах К. Д. Ушинский впервые проявил себя не только как педагог и методист, но и как детский писатель, который продолжил лучшие традиции русских писателей своего времени и говорил о мире с детьми простым и понятным языком. Его авторские сказки сразу стали популярны и во взрослой среде, потому что были пронизаны открытой дидактикой, ориентированной на прославление труда, добра, взаимопомощи, любви к ближнему, а его «нетипичные» персонажи открывали неживой мир как мир, в котором каждый листок дерева, каждый плуг и даже радуга. Солнце, ветер, как в традиционной сказке могли говорить с читателями и выражать глубинные чувства и представления о мире, человеке, природе, о сущности бытия в целом, В его сказке «Дети в роще...» говорится о человеческих пороках (лень и безответственность), о работе, которая всегда вознаграждается отдыхом и определенными «плодами». Философия мира раскрывается в сказочных рассказах о временах года, где о каждом читатель узнает интересную историю, и все вместе эти четыре истории – «Зима», «Весна», «Лето» и «Осень» -создают целостную картину единого мира, попутно объясняют смену времен года.

К. Д. Ушинский писал для детей сказки, считая их наилучшим средством для «понимания народной жизни». С помощью их он прививал детям понятия нравственности, ответственности и трудолюбия. Он считал, что образование и получение знаний возможно только путем мотивации и интереса, а не наказания и принуждения. К примеру, сказка «Мужик и медведь» говорит нам о том, как необходимо иметь смекалку и быть в меру хитрым, такую же мораль несет и сказка «Лиса и козел».

Более глубокий смысл несут такие сказки как «Золотое яичко», «Как аукнется, так и откликнется», «Спор воды с огнем». Сказка «Золотое яичко» знакома многим с самого детства, но мало кто задумывается какой поистине глубокий смысл она несет. Она приводит нас к тому, как важно и ценно беречь то, что мы уже имеем и не беспокоиться о том, что этого не заслуживает. Исходя из этого можно сказать, что в некотором смысле сказка теряет свой «детский вид» и приобретает неоднозначный, противоречивый символизм. При знакомстве с данным произведением человек должен вычленил для себя такие простые истины о том, что счастье бывает хрупким, а драгоценная вещь может быть совсем неприметна на первый взгляд.

В наследии К. Д. Ушинского можно выделить несколько типов сказок. В рамках нашего исследования мы выделили:

1) сказки о растениях и животных, в которых активно использовались приемы фитоморфизма и зооморфизма («Лиса и козел», «Петух да собака», «Храбрая собака», «Бишка», «Плутышко кот», «Лиса и гуси»). Они имеют тенденцию к сближению с басней, что значительно усиливало воспитательный эффект;

2) сказки о явлениях природы, имеющие более философское наполнение у К. Д. Ушинского, продолжая фольклорные традиции («Ветер и солнце», «Солнце и радуга», «Проказы старухи зимы»);

3) «умные сказки», в которых героями нередко становятся «нетипичные» персонажи: мир неодушевленных предметов наполняется человеческим разумом, обладают речью, обретают характеры и страсти, благодаря авторскому замыслу становятся равными участниками событий («Два плуга», «История одной яблоньки», «Как рубашка в поле выросла»);

4) сказки и сказочные рассказы о детях, в которых мир человека и природы пересекаются, персонажи вступают в диалог, буквально растворяя грань между живым и неживым, объединяя мир в единое целое, полное противоречий и удивительных возможностей к преобразению («Утренние лучи», «Дети в роще»).

Мир этих сказок будет проанализирован во второй главе нашей работы в контексте педагогических идей писателя К. Д. Ушинского.

Таким образом, на протяжении длительного времени литературная сказка завоевывала право стоять в одном ряду с другими ведущими жанрами литературы. Писатели научились гармонично сочетать авторское начало и народный фольклор. В литературоведении выделяют три основных периода развития литературной или авторской сказки, которые обоснованы в работах Л. В. Овчинниковой: допушкинский, пушкинский и послепушкинский. Каждый из этих периодов представлен именами поэтов и писателей, произведения которых давно признаны как определенные нравственные маяки эпохи.

ГЛАВА 2. Художественное своеобразие литературных сказок К. Д. Ушинского

2.1. Особенности изображения мира растений и животных в авторских сказках К.Д.Ушинского

Литературные сказки К.Д. Ушинского, ориентированные как на юного, так и на взрослого читателя, обладают воспитательным воздействием и однажды выразил развивающим эффектом. К. Д. Паустовский справедливо заметил, что в каждой детской сказке заключена вторая, которую могут понять только взрослые. Читая сказки К. Д.Ушинского, можно увидеть крайне широкую направленность тем и смыслов для читателей любых возрастов.

Признавая «педагогический гений» народа и высоко оценивая народные сказки, К. Д. Ушинский понимал, что произведения фольклора нуждаются в адаптации и переработке для реализации тех воспитательных, нравоучительных и познавательных идей, которые в них заложены. В результате его работа над фольклорным материалом привела к замечательному сочетанию реализации образовательно-воспитательных задач и художественного замысла. Особое отражение данная черта его творчества нашла в многочисленных сказках о животных.

Авторская сказка К.Д. Ушинского с героями-животными представляет собой своеобразную композиционную модель, сочетающую в себе идейные принципы басни и определенные включения черт новой модели мира [Цикушева 2008:21]. При этом сказки писателя о животных, как правило, представляют собой переработки фольклорного материала и в своей образной системе широко опираются на достижения народного творчества, накопившего в процессе своего формирования богатый арсенал зооморфных образов [Там же]. Зооморфизм – один из известных приемов, который позволяет наделить человеческими чертами животных. Примеры можно легко найти и в русских сказках, подаривших устойчивые ассоциативные

типы: лиса – хитрый человек, волк – человек коварный и злой, кот – ловкий плут или мягкий и нежный по натуре человек, заяц – трус, лебедь – грация, гордость, красота и так далее.

С древних времен человек вкладывал в слова, используемые для обозначения предметов и объектов окружающего мира, не только буквальные, но и абстрактные понятия. Неудивительно, что во многих языках мира словарные толкования включают как прямое значение объекта, так и символический подтекст. Моральные, интеллектуальные ценности, нравственно-эстетические категории, формировавшиеся на протяжении истории цивилизации, выражены в языке посредством названий тех предметов, которые окружали индивида в повседневной жизни в первобытную эпоху. Прежде всего, это были растения и животные. По этой причине во многих языках мира фитонимы и зоонимы составляют древнейшие пласты словарного состава, а для устного народного творчества свойственны такие понятия, как фитоморфизмы и зооморфизмы – названия растений и животных, используемые для обозначения и характеристики человека [Жаркова 2011: 202].

Среди всего этого многообразия зооморфизмов, бытующих в русском национальном языке, названия домашних животных, служащих для характеристики человека, несомненно часто используются в бытовой речи, потому что домашние животные для каждого народа – это объект каждодневного наблюдения и сопоставления с их хозяином-человеком [Там же].

Но стоит отметить, что наименования диких животных также способны отражать характер и некоторые личностные качества человека.

В связи с этим, К. Д. Ушинский с наставнической целью использует в своих литературных сказках прием, характерный для народного фольклора – сквозь призму животного мира, образы которого особенно привлекательны и ясны, передает особенности человеческого поведения, освещает морально-этические нормы отношений в обществе.

Современные исследования показывают, что в русскую литературу XX века для обличения общественных пороков современной авторам действительности вошли, в основном, следующие зооморфизмы: собака, волк, медведь, лиса, заяц [Зубченко 2022: 10]. Все они представляют собой концептуализированные образы, отражающие русскую национальную языковую картину мира. К. Д. Ушинский использовал указанные зооморфизмы в сочетании с образами других животных. В системе персонажей его произведений встречаются такие представители фауны, как петух, курица, гуси, утята, козел, баран, корова, кот, мышь, еж, ворона, рак, пчела. Каждый из образов отражает определенный концепт, формирующий систему нравственно-эстетических ценностей или антиценностей: отзывчивость, ум, сообразительность, трудолюбие, глупость, зло, коварство, хитрость, упрямство. В целом ряде сказок К. Д. Ушинского животные выступают не просто персонажами, но персонифицируют определенные стратегии поведения, поэтому процесс рассказывания авторской животной сказки превращается в процесс узнавания и обучения определенным поведенческим стратегиям [Мариничева 2023: 123]. Это связано с тем, что, по словам Л. С. Выготского, каждое животное представляет заранее известный способ поступка и является действующим лицом не в силу своего характера, а из-за «общих свойств своей жизни» [Выготский 1986: 123].

Животные в сказке Ушинского становятся знаками и олицетворениями определенного типа действий и поступков. Благодаря подобной классификации читатель может провести параллель между собой и героями сказок. Неслучайно в реальной речи вполне конкретные человеческие линии поведения называются именами животных. Так, лисой можно назвать лукавого хитрого человека, корыстного льстеца [Мариничева 2023: 223]. Названия домашних птиц обычно передают концепты «слабость», «глупость», поэтому в сказках такие герои боятся хищников, но петух, например, может выступать не только как жертва лисы, но и как ее победитель [Мариничева 2023: 223].

«Собака!» говорят о злом, грубом человеке, используя образ животного в разговорном языке как отрицательно-оценочный [Зубченко2022:17]. Действительно, существует довольно много выражений, в которых собака выступает как носитель негативных качеств – грубости и злости. Однако в басенных текстах этот образ может воплощать и положительные качества – храбрость, благоразумие, опыт, доброту.

Такой же двойственностью, как и образ собаки, характеризуется кот в качестве героя сказок. С одной стороны, это домашнее животное хитрое, своенравное, готово извлечь из всего собственную выгоду. С другой стороны, кот честно выполняет свой долг – он ловит мышей и крыс, чем очень помогает человеку. Кроме того, он обладает способностью дружить и мирно уживаться с целым рядом других животных, может без сожаления покинуть дом и жить в лесу. Исследователями фольклора не было найдено ни одной сказки, где кот выступает исключительно отрицательным персонажем.

Перечисленные выше стратегии поведения, воплощаемые в фольклорных сказках путем использования образа того или иного животного, можно проследить в литературных произведениях К. Д. Ушинского, где взаимодействуют умная, коварная и насмешливая лиса и самодовольный, глупый козел, хвастливый зайчишка и мудрый ёж, Плутишко кот и кровожадные, но недогадливые волки. При этом двойственность образов, свойственная фольклорным произведениям, присутствует и в сказках русского писателя.

В произведениях «Лиса и козел», «Петух да собака», лиса проявляет как коварство и хитрость, так и глупость, вызванную жадностью, стремлением овладеть добычей. В сказке «Лиса и козел» она с легкостью использует «бородатого дурня» для того, чтобы выбраться из колодца, но перед этим сама туда попадает из-за того, что «на ворон зазевалась» Петух из сказки «Петух да собака», вступая в разговор с лисой, дает юному читателю испытать всю силу лести, на которую способна коварная лисица. Однако история заканчивается её гибелью, поскольку она, разжигаемая

жадность, надеется на увеличение добычи. На самом деле, в дупле дерева скрывается не лакомый петух, а собака, которая разрывает лису. Приведенный пример иллюстрирует не только специфику образа лисицы в сказках К. Д. Ушинского, но и поведенческие стратегии, выраженные петухом и собакой. Домашняя птица смело противостоит лисе, а собака защищает друга.

Образ собаки находит широкое воплощение в литературных сказках К. Д. Ушинского о животных. Отражение поведенческой стратегии «дружба» дополняется двойкой трактовкой храбрости как характерной черты образа. В лаконичном произведении «Храбрая собака» раскрыта активность животного, нацеленная на отпугивание волков, и трусость при их приближении.

Тема предназначения, затронутая писателем в его животных сказках, также реализуется посредством образа собаки. Этому посвящено произведение «Бишка». Его героиня, собачка, четко осознает свои прямые обязанности, которых немало: сторожить дом, пугать воров и волков, ходить на охоту. Именно в этом заключается её ценность, и совсем неважно, что она не умеет читать книжки. Таким же образом и значимость любого человека связана с тем, что он умеет делать и выполняет хорошо, отсутствие умений в остальных сферах деятельности не играет роли.

Образ кота, характеризующегося как отрицательными, так и положительными качествами, использован писателем в сказке «Плутитшко кот», состоящей из трех частей и построенной на столкновении домашних животных кота, козла и барана, сбежавших от хозяев, с медведем и волками. Здесь кот выступает как обманщик и проказник, что вполне соответствует поведенческой манере этого животного в реальной жизни. В то же время именно он спасает от гибели своих товарищей – козла и барана, которых намеревались съесть волки. Он «вор и разбойник», но сметлив и находчив.

Образы козла и барана в описываемом произведении отражают типичную трактовку соответствующих зооморфизмов, передающих не

только буквальные названия животных в языке, но и выражающих концепты «глупость» и «трусость». Вначале они верят словам кота Васьки о том, что хозяева хотят их зарезать, потом в растерянности не знают, где добыть огня в холодную погоду, а при появлении волков блеют от страха, не зная, как спастись.

В большинстве авторских сказок К.Д. Ушинского о животных основной конфликт построен на ситуации обмана, что свойственно и народной сказке как виду фольклорного творчества[Мариничева 2023: 224]. Этот факт сказочной композиции не случаен, поскольку именно поведенческие стратегии разрешения данной ситуации ярко раскрывают те или иные черты характера героев-животных и, как следствие, человеческого характера. Согласно типу поведения животного в природе персонажи сказок могут проявить уступчивость, злобу, ярость, коварство или хитрость, обманывая или оказавшись обманутыми.

В произведении К.Д.Ушинского «Лиса и козел» лисица обманом заманивает козла в колодец. На его вопрос о том, почему она там оказалась лиса искусно лжет: «...наверху жарко, так я сюда забралась»[Ушинский, 1959, с. 24]. При этом она сразу же применяет стратегию ненавязчивого заманивания: «Уж как здесь прохладно да хорошо! Водички холодненькой — сколько хочешь»[Там же]. Увидев заинтересованность козла, лисица приглашает его прыгнуть в колодец как гостеприимная хозяйка, которой не жаль поделиться глотком чистой воды с путником, измученным жаждой: «Прыгай сюда, коли хочешь; здесь обоим нам место будет»[Там же].

Козел полностью поддается обману, показывая читателю в высшей степени глупое поведение, дополняемое его неуклюжестью: «Прыгнул сдуру козел, чуть лисы не задавил. ... И прыгнуть-то не умел — всю обрызгал»[Ушинский 1959: 24]. Таким образом, ситуация обмана в сказке «Лиса и козел» освещает для читателя произведения К. Д. Ушинского такие базовые составляющие человеческих взаимоотношений, как хитрость, коварство, ум, глупость, жестокость.

Другая грань образа лисы раскрывается в сказке писателя «Лиса и гуси», где, казалось бы, беззащитные перед хищником домашние птицы выступают персонификацией находчивости, смекалки, а лиса остается одураченной. Увидев на лугу множество жирных гусей, она намеревается съесть их. Гуси, почувствовав опасность, не теряют присутствия духа и начинают вести разговор с лисой в ласковом, заискивающем тоне: «Ты, лиса, добрая! Ты, лиса, хорошая, не ешь, пожалей нас!»[Ушинский 1959: 24]. Получив отказ, они прибегают к уловке и ставят условие, которое можно встретить во многих русских сказках: «Позволь, лиса, нам песню спеть, а потом ешь нас!»[Там же: 26]. Лиса соглашается, а гуси начинают нескончаемый гогот, торжествуя над глупой хищницей: «Они и теперь поют, а лиса ждет, когда они кончат»[Там же].

Используя лучшие достижения народного творчества для решения идейно-художественных задач, К. Д. Ушинский в своих литературных сказках наполнил их динамичностью повествования и индивидуальностью манеры изложения, которые придают им подлинно авторский характер[Цикушева 2008: 21]. Поведение героев-животных и их речь, сохраняя национальный колорит, осовременены. Производимое ими впечатление совершенно соответствует эффекту, который могло бы иметь поведение человека в описываемых в сказках ситуациях.

Одной из причин яркой индивидуальности литературного почерка Ушинского также выступает блестящий юмор, с которым изображено происходящее в сказках о животных. Принципы юмористического изображения писатель почерпнул из этнопедагогики, однако способы его реализации являются в сказках К. Д. Ушинского подлинно авторскими.

Произведение «Лиса и козел» ярко иллюстрирует умение автора выразить улыбку читателя посредством комизма изложения, достигаемого разными средствами художественной выразительности. Героиня-лисица на ворон не засмотрелась, а «зазевалась», а козел мимо колодца идет и «бородицей трясет, рожищами мотает» [Цикушева 2008: 25]. Помимо

описания движений козла с помощью стилистически окрашенных суффиксов, автор применяет к нему эпитет «умная голова» [Ушинский 1959: 20], используя прием иронии. Но в уста лисы он вкладывает реальную оценку интеллектуальных способностей героя: «Эх, бородатый дурень!»[Ушинский 1959: 20].

К помощи иронии для достижения желаемого художественного эффекта в характеристике персонажей-животных К. Д. Ушинский прибегает и в сказке «Плутышко кот». Козел и баран, одураченные котом Васькой, упрекают его в глупости: «Ах ты, серый ты кот, бестолковый твой лоб!»[Там же]. Полна комизма и сцена добычи огня, который разгорается от искр, посыпавшихся из глаз незадачливых козла и барана.

Таким образом, К. Д. Ушинский в своих литературных сказках широко пользуется зооморфными образами для решения поставленных идейно-художественных задач.

2.2. Эмотивные образы природы в сказках К. Д. Ушинского

В литературных произведениях великого русского писателя проводниками духовно-нравственных и морально-эстетических ценностей выступают не только представители животного мира. На страницах его сказок происходит олицетворение сил природы, образы которых в ходе многовекового осмысления человеком их значимости для окружающего мира стали символами добра, зла, старости, юности, радости и горя. Они, как правило ассоциативны, носят эмотивный характер, призваны вызвать определенный ряд эмоций, направленных на активизацию ценностного, нравственного потенциала читателя, стимулирующих определенный душевный отклик на события даже самой простой истории (сказки).

Трактовка образов природы в литературоведении находит неоднозначную оценку. В.Е. Хализев считает природу неотъемлемой частью художественного мира произведения и относит к ней как мифологические

воплощения сил природы, так и поэтические олицетворения[Хализев 1999: 241]. Сторонники космологического подхода в литературе трактуют её как среду обитания и организм Вселенной, с которым каждый народ в процессе своей истории находится в непрерывном диалоге[Богач2017:23]. Близок данный подход и К. Д. Ушинскому, посвятившему много усилий написанию познавательных очерков, в которых читатели открывают явления природы, описанные доступным языком. Использование образов солнца, ветра, радуги, зимы, мороза в литературных сказках К.Д. Ушинского тесно связаны с их концептуализацией в национальной культуре. В авторских сказках писателя они выступают полноправными героями происходящих событий и выразителями идейного замысла автора.

Глубоко фольклорным образом в сказках К. Д. Ушинского является образ солнца – мирового светила. В славянском мифе весеннее солнце Ярило выступает одним из главных языческих богов. Этот фольклорный образ можно считать и символом красоты древних славян. В русской национальной языковой картине, созданной народом, проживающим в лесостепной и лесной природных зонах, солнце – источник тепла, света, радости. В народном творчестве это слово часто заменяется уменьшительно-ласкательной формой – «солнышко»[Демченко2019: 22].

В книгах К.Д. Ушинского солнце, согласно фольклорной традиции, выступает в роли разумного и справедливого персонажа, готового согреть и приласкать. Включая его в действие своих сказок, Ушинский сохраняет принятую в народе уменьшительно-ласкательную форму, отражающую значимость теплоты и света солнца для всего живого.

Антигероем, противостоящим главному светилу, в фольклоре часто выступает ветер. В народном творчестве ему отводится роль проказника и шалуна, если он легкий. Однако нередко художественное осмысление образа ветра достигает символической обобщенности[Давыдова2023: 131]. Ветры, словно сама жизнь, то ласковы к человеку, то жестоки. Они ассоциативно

проверяют его на прочность и те, кто выдержал бой с ними, навсегда обретают дар духовной крепости. Образ северного ветра часто сочетается с образом пути[Там же].

Символическое значение солнца и ветра К.Д. Ушинский, понимая действенность данных образов на мышление, использовал в своей сказке-притче «Ветер и Солнце». Её сюжет построен на споре, затеянном северным Ветром с теплым, ласковым Солнцем, о том, кто из них сильнее. Антитеза, которая представлена явлениями природы, призвана привлечь внимание ребят к противостоянию добра и зла, ласки и гнева.

Объектом соперничества ветра и солнца выступает путешественник, едущий по большой дороге. Северный ветер уверен, что сможет без труда сорвать с него плащ, однако ему приходится приложить немало усилий: он «начал дуть, что было мочи», «сердился, свирепел, осыпал бедного путника дождем и снегом» [Ушинский1959:37].

К. Д. Ушинский с помощью приема градации показывает не только наращивание усилий Ветра, но и эффект, демонстрирующий его бессилие. Отсутствие результата сердитых стараний Ветра отражено в действиях путника, который крепче закутывается в свой плащ, ворчит на непогоду, но не прекращает движения, а потом, чтобы защититься от Ветра, надевает плащ в рукава и подвязывает его поясом. Это полностью обрекает жестокую стихию на проигрыш в споре. Однако ласковому Солнцу мало увидеть неудачу соперника, оно демонстрирует злобному спорщику превосходство тепла, ласки и доброты над озлобленностью. Выглянув из-за туч, кроткое светило улыбнулось, без всяких усилий обогрело и осушило путника, который «почувствовав теплоту солнечных лучей, ... приободрился, благословил Солнце» [Там же]и, наконец, снял свой плащ. Избрав для сказки форму притчи, Ушинский завершает её проиллюстрированной в рассказанной истории моралью: «...лаской и добротой можно сделать гораздо больше, чем гневом»[Там же]. Эти слова произносит Солнце, выступающее в произведениях писателя мудрым и справедливым началом.

Но иногда и ласковое солнышко может разгневаться. В конфликт с ним на страницах сказок писателя вступает не только жестокий северный ветер, но и радуга – образ, обычно обладающий положительной коннотацией. Появляясь после мрачного дождя, удивительное по красоте природное явление вдохновляет людей и вызывает особенный интерес детской аудитории. Данное отношение можно проследить в русском языке на уровне этимологии слова «радуга». Восточнославянское новообразование «радуга» является суффиксальным производным от праславянского адъективного корня *rad-* «радостный, веселый» [Трушина2020:41]. В «Русском ассоциативном словаре» среди эмотивных ассоциаций на стимул «радуга» числятся следующие лексические единицы: «красота, здорово, красива, красивый, восторг, ура!!!» [Там же]. Кроме того, радуга непременно ассоциируется с детством, что находит отражение в жанровом диапазоне текстов устного народного творчества. Обширнее всего образы радуги представлены именно в детском фольклоре. В закличках радуга характеризуется своей связью с дождем и солнцем.

Выбирая радугу персонажем своей авторской сказки, К.Д. Ушинский, безусловно, следовал устоявшемуся в разных фольклорных формах стереотипу восприятия радуги как необычайно красивого, поразительного явления природы. Вместе с тем, писатель использовал не только положительный оттенок трактовки образа, но и символизируемую радугой сему непостоянства, временности, зависимости от присутствия солнца [Трушина2020: 45]. Данный мотив неоднократно можно встретить в малых фольклорных формах, например, в загадках:

Приказало солнце: стой,
Семицветный мост крутой!
Тучка скрыла солнца свет –
Рухнул мост, и щепок нет

[Соболева 2000: 3].

Сочетание мотивов красоты и непостоянства, выражаемые образом радуги, позволяют К.Д. Ушинскому в сказке-басне «Солнце и радуга» через конфликт главных героев, которыми выступают одушевленные природные явления, показать юному читателю такой недостаток характера, как хвастовство. Приведем текст полностью:

«Раз после дождя выглянуло солнышко, и появилась семицветная дуга-радуга. Кто ни взглянет на радугу, всяк ею любит. Загордилась радуга, да и стала хвалиться, что она красивее самого солнца.

Услышало эти речи солнышко и говорит: «Ты красива – это правда, но ведь без меня и радуги не бывает». А радуга только смеётся да пуще хвалится. Тогда солнышко рассердилось и спряталось за тучу – и радуги как не бывало» [Ушинский 1959: 26].

Малый объем произведения описывает ту же ситуацию, которая отражена в приведенной выше загадке, но поведение героев очеловечено, они персонифицируют типичные поступки людей. При этом, указывая, что перед нами сказка-басня, автор не делает прямого дидактического вывода, предлагает своему читателю самому прийти к верному выводу после прочтения и обсуждения или осмысления возникшего конфликта. Таким образом, в случае с басней К. Д. Ушинский уходит от традиционной формы басни с учетом возраста своего читателя, затушевывая тем самым открытое назидание или мораль.

Благодаря стилистическим повторам, читатель особенно живо ощущает момент кульминации в сказке и внезапность развязки, которая пресекает неразумное поведение хвастливой радуги. Вначале семицветная красавица слушает постоянно повторяющиеся похвалы окружающих. Это заставляет её считать, что она красивее самого солнца, и радуга начинает сама настойчиво восхвалять себя. В этот момент солнышко пытается её образумить словами «Да знаешь ли ты, глупая, что радуга от солнца бывает?». Но даже это не помогает остановить самодовольство красавицы, которая к тому же

проявляет и неблагодарность – ведь только солнечные лучи позволяют ей появиться на небе. Следуя канонам сказки, автор наказывает беспечную героиню только после того, как потеряна всякая надежда её образумить: «Солнышко рассердилось и спряталось за тучку, радуга тут же и пропала»[Ушинский 1959: 26].

В рассматриваемой сказке солнце не обладает той же кротостью, какой характеризуется в сказке-притче «Ветер и солнце». В «Солнце и радуге» автор показывает иной тип взаимоотношений персонажей. Ветер выступает самостоятельным явлением природы, пусть и не равным солнцу по силе, но, тем не менее, не зависящим от него. Взаимодействие радуги и солнца развивается по типу отношений родителей и ребенка, поскольку радуга порождена небесным светилом и без него никогда не появилась бы во всей своей семицветной красе. Таким образом, идейно-смысловая композиция короткой сказки К.Д. Ушинского затрагивает целый пласт нравственно-этических вопросов и обогащает эмоционально-духовный опыт читателя.

Черпая ресурсы своего литературного творчества в народном фольклоре, русский педагог не мог не остановить внимание на художественном потенциале такого явления природы, как смена времен года, весьма актуального для русской культурной традиции. При этом особым значением в национальном фольклоре характеризуется образ зимы, восприятие которого в народном творчестве во многом было усвоено русской поэзией, где отразились разные грани концепта «зима»[Хайрутдинова2014:155].

Анализ образных парадигм лексемы «зима» в русской поэзии показывает, что она воспринимается и как «богиня разрушенья», «смерть природы», и в качестве «доброй старушки», «родной гостьи»[Там же:157].Элементы образной парадигмы слова «зима» представлены языковыми единицами, обозначающими лицо женского пола: «матушка, старушка, бабушка, гостья, молодка, сударка, пирожница, красавица, мачеха»[Там же: 155].

К.Д. Ушинский, обращаясь в своих авторских сказках к образу зимы, также прибегает к устоявшейся образной парадигме, представляя её читателям в сказке «Проказы старухи зимы» как отрицательный персонаж женского пола. Она выступает не доброй старушкой, а злобной особой, которая «разозлилася», «подула холодом», «пуще злится», щиплет «со злости» за ухо и за нос[Ушинский1959: 7].

Композиция сказки построена по принципу усиления, использованному в притче «Ветер и солнце», где все старания Ветра, ярость и злость встречают обратную его намерениям реакцию. Однако в сказке-притче путник хоть и терпит невзгоды, но удручен ими, а в «Проказах старухи зимы» злость главной героини приносит её жертвам только пользу, из-за угрозы холода они оказываются в более выгодном положении: напуганные стужей птицы улетают в теплые страны, лесные звери и домашние животные занимают свои уютные зимние квартиры, а люди над проказами зимы только посмеиваются, топят печи и пекут блины.

Развязка злобных действий зимы наступает лишь в конце сказки, где, отчаявшись кому-то навредить своими чарами, она начинает плакать слезами, которые в виде капли стекают с крыш. Так писатель раскрывает перед читателем калейдоскопическую картину необычайно красивого времени года, на эмоционально-духовном уровне формируя понятие о стойкости в сложных жизненных ситуациях, способности противостоять злу и в неудачах находить позитивные аспекты.

Важными персонажами рассматриваемой сказки К. Д. Ушинского являются морозы – верные слуги старухи зимы. Образ мороза наряду с солнцем, ветром, радугой представляет собой один из наиболее популярных элементов поэтики фольклорных произведений. Как могучая сила природы, мороз всегда выступает в народном воображении живым существом. В знаменитой сказке «Морозко» он является одним из главных персонажей, демонстрируя двойственность образа, сочетающего в себе и благожелательность, и беспощадность[Мартыненко2015: 25]. О невероятной

силе мороза говорит поговорка «Мороз и железо рвет, и на лету птицу бьет»[Там же].

К.Д. Ушинский в своей сказке отказывается от мороза как центрального образа сюжета. В его произведении многочисленные морозцы поставлены на службу злой зиме и не уступают ей в свирепости. Их действия реализуют прием градации в сказке и выражены стилистическими повторами: «идут морозы один другого злее», «один другого лютее»([Ушинский1959: 7]. В то же время способ изображения типичных действий морозов писатель черпает из народной традиции. Антропоморфное представление природного явления в виде искусных строителей находит свое отражение в описании преследования старухой-зимой рыб: «Морозцы бойко бегут, молоточками громко постукивают: без клиньев, без подклинков по озерам, по рекам мосты строят» [Там же].

Мишенью морозов по наущению зимы становятся люди и их жилища: «Заволокли морозы узорами оконницы в окнах; стучат и в стены, и в двери так, что бревна лопаются»[Там же]. В этом эпизоде можно провести параллель с авторской сказкой В.Ф. Одоевского «Мороз Иванович» (1847), где главный герой по улицам ходит да в окошки стучится, чтобы «люди не забывали печи топить и окошки вовремя закрывать»[Мартыненко2015:26]. В сказке Ушинского интерпретация происходящего совсем другая – действия людей служат задорным ответом на угрозы зимней стихии: «люди затопили печки, пекут себе блины горячие да над зимой подсмеиваются»[Ушинский1959: 7]. Жизнеутверждающий мотив, лежащий в основе описываемого сюжета у К.Д. Ушинского, обнаруживает сходство с мнением, высказанным фольклористом В. П. Аникиным. Исследователь отмечал, что в сказочной истории о суровом Морозке раскрывается следующая мысль: «притесняемые, те, кто стоек, будут счастливы»[Аникин1977:35]. Русский педагог, олицетворяя свирепость сил природы, несомненно, стремился сообщить читателю необходимость вырабатывать умение противостоять трудностям.

В целом, в литературных сказках К.Д. Ушинского можно обнаружить олицетворение таких природных явлений, как солнце, ветер, радуга, зима, мороз, служащее воплощению сюжетно-композиционных и идейных замыслов писателя.

2.3. Новые герои «умных сказок» русского педагога

Авторская сказка, в жанре которой нашла воплощение педагогическая проза К.Д. Ушинского, наряду с соблюдением канонов и формул народного произведения, предусматривает неизбежную модернизацию сказочного материала, адаптацию его к реалиям и тенденциям современного автору этапа развития общества [Костарнова 2021:63]. По этой причине в канву многих литературных произведений писателя вплетаются сюжетные линии с участием нетипичных для фольклора героев, введенных в систему образов под влиянием индивидуального замысла автора [Намычкина 2010:106].

Отступление от рамок традиционных для русского и зарубежного фольклора басен и сказок о борьбе природных стихий, раскрывающих различные грани человеческого характера, прослеживается в произведении Ушинского «Два плуга». Короткая сказка относится к жанру бытовых [Русская литература для детей 1998:159] и тяготеет к стилю сказочного рассказа [Цикушева 2008:23]. Единственным действительно волшебным элементом произведения выступает человеческая речь и взаимоотношения неодушевленных предметов, которыми выступают главные герои – два плуга. Чтобы точнее понять содержание этой сказки приведем ее полностью:

«Из одного и того же куска железа и в одной и той же мастерской были сделаны два плуга. Один из них попал в руки земледельца и немедленно пошел в работу, а другой долго и совершенно бесполезно провалялся в лавке купца.

Случилось через несколько времени, что оба земляка опять встретились. Плуг, бывший у земледельца, блестел, как серебро, и был даже еще лучше, чем в то время, когда он только что вышел из мастерской; плуг же, пролежавший без всякого дела в лавке, потемнел и покрылся ржавчиной.

– Скажи, пожалуйста, отчего ты так блестяшь? – спросил заржавевший плуг у своего старого знакомого.

– От труда, мой милый, – отвечал тот, – а если ты заржавел и сделался хуже, чем был, то потому, что всё это время ты пролежал на боку, ничего не делая» [Ушинский 2012: 110].

Будучи сделаны «из одного и того же куска железа и в одной и той же мастерской» [Там же], орудия земледелия в сказке Ушинского общаются, как приятели, которые когда-то росли и учились вместе. На какое-то время их развела судьба, но потом они встретились вновь, отметив перемену в облике друг друга. Обыденный, человеческий характер жизненной ситуации подтверждается используемыми писателем эпитетами для обозначения героев: «оба земляка», «старый знакомец», обращение «мой милый».

Показывая в сказке определенный отрезок жизненного пути персонажей, автор на основе стилистического приема антитезы поднимает важнейшую для юного читателя тему труда и безделья, выполнения своего предназначения в жизни и бесцельного времяпрепровождения, не способного принести пользы обществу [Русская литература для детей 1998:159]. Противопоставление реализуется в сказке путем использования целого ряда параллельных конструкций [Кошкина 2015:105]: «попал в руки земледельца» – «провалялся в лавке купца», «немедленно пошел в работу» – «бесполезно провалялся» [Там же]. При встрече двух земляков один плуг блестит, как серебро, а другой «потемнел и покрылся ржавчиной» [Там же]. Инструмент, побывавший в работе у земледельца, выглядит лучше прежнего, а тот, что валялся без дела, стал хуже, чем был. При одинаковых изначальных возможностях один из продуктов мастерской в процессе труда сумел усовершенствовать свои качества, а второй, бесполезно провалявшись «на

боку, ничего не делая» [Там же], утратил даже те достоинства, которые когда-то имел.

Система персонажей, представленная орудиями труда в сказке «Два плуга» включает и косвенное упоминание о хозяевах инструментов [Егорова 2018:260]. К. Д. Ушинский в рамках малого по объему произведения достигает большой результативности в приобщении читателя к сфере трудовой деятельности. Автор затрагивает проблему трудолюбия не только как этическую категорию – он вводит ребенка в мир разных видов профессиональных занятий. Неслучайно так широк для короткой сказки тематический словарь существительных, раскрывающих указанную тему [Там же]:

1. Плуг – орудие для вспашки и обработки земли.
2. Мастерская – место, где изготавливают орудия труда.
3. Земледелец – тот, кто возделывает землю с целью получения урожая.
4. Купец – тот, кто занимается продажей товаров.
5. Лавка – место, где продаются товары.

Путешествие в мир созидательного труда юные читатели совершают и на страницах произведения «История одной яблоньки». Последовательно, в трех частях рассматриваемого текста, автор знакомит ребят с процессом превращения дикой яблони, дающей кислые плоды, в дерево с румяными рассыпчатыми яблоками. Олицетворение явлений природы – обычная деталь в произведениях Ушинского, но в данной сказке образ яблоньки не сводится просто к фольклорному заимствованию. Используя знания о превращении диких пород деревьев в садовые культуры и специфике кропотливого труда садовника, писатель вкладывает в излагаемый в произведении познавательный материал глубокий смысл. На примере прививаемой яблоньки он показывает историю воспитания ребенка, в процессе которого взрослые прикладывают массу усилий, тратят много

времени и проявляют огромное терпение, ведь только в этом случае им удастся вырастить и воспитать прекрасного человека.

Феномен превращения дикого дерева в садовое в произведении Ушинского также является метафорой, передающей этапы жизни подрастающей, формирующейся личности: вначале это зернышко под снегом, затем два первых листика, стебелек с почкой, дающей новую листву, а потом и веточки хорошенькой яблоньки [Ушинский 1959: 52]. Однажды садовник переносит испуганную яблоньку в сад и высаживает в хорошую землю, где она оказывается окружена «некрасивыми пеньками». Здесь автор, пользуясь многозначностью слова «школа», которое в сфере садоводства обозначает место временной высадки саженцев, сообщает читателю, что именно туда попала героиня сказки. В этой школе ей, как и детям в образовательном учреждении, прививают все то хорошее, что по прошествии лет заставляет их стать замечательными людьми: «года через три зацвело деревцо белорозовыми душистыми цветами... И такая-то хорошенькая удалась яблонька, что из других садов приходили брать от неё побеги для прищеп» [Ушинский 1959: 52].

Яркая и красочная метафора педагогического труда, сказка «История одной яблоньки» в силу выбранной автором системы персонажей обладает большим образовательным потенциалом. Писатель не только раскрывает секреты природы, но и показывает особенности профессии садовника. В ходе знакомства с произведением читатель понимает, что сад – это пространство кропотливого труда, узнает специальные слова, относящиеся к рассматриваемой профессионально-трудовой сфере – «завязь», «заступ», «побег», «прищеп». Именно труд садовника выступает залогом прекрасного результата в конце сказки, хотя в истории присутствуют и другие герои – мама-дикая яблоня и птицы, склевавшие упавший плод.

Тема труда и трудолюбия находит отражение и в сказке Ушинского «Как рубашка в поле выросла». Отличительной чертой данного произведения

является наличие в нем героев-детей и, прежде всего, главного персонажа девочки Тани, которая выступает ровесницей юных читателей.

Таня раскрывает для себя секреты окружающего мира, наблюдая неутомимый труд взрослых[Тодоров1989: 103]. Больше года ждет девочка обещанную её беленькую рубашечку. В течение этого времени Таня видит, как отец сеет лен, ростки которого всходят и зацветают голубыми цветочками, а мама и сестры приходят пропалывать грядки и вязать высохший лен в снопы. Они же топят лен в речке, колотят его и чешут, плетут льняные нити и делают холсты. Только к следующему рождеству оказывается выбелен полученный холст и, наконец, пошиты рубашечки Тане и её брату Васютке. Знание об огромном объеме труда, вложенном в создание его результата, показывает детям подлинную ценность полученного ими предмета одежды[Русская литература для детей1998:159].

Герои рассматриваемой сказки Ушинского – члены одной семьи, что позволяет писателю раскрыть семейные ценности через изображение совместного созидательного труда, где каждый выполняет свое дело. Родители, две старшие сестры, младшие дети приобщены к работе с раннего детства, их жизнь наполнена радостью труда и терпением в получении его результатов.

Образ главной героини Ушинский использует как призму, сквозь которую читатели воспринимают мир труда глазами ребенка: Таня видела, как «отец... горстями разбрасывал по полю маленькие блестящие зерна», потом поле покрылось «зеленой шелковистой травкой», «показались голубые цветочки»[Ушинский1994: 141]. Важны для сюжетной композиции и мысленные высказывания Тани: «У братца Васи такие глазки...», «Это похоже на волоски Васи, а не на рубашку»[Там же]. Данные реплики героини позволяют писателю ввести красочное сравнение наиболее уместным для детской аудитории способом. По этой же причине Ушинский постоянно использует слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами: «травка», «цветочки», «глазки», «рубашечка», «волоски». Кроме того, образ Тани

задает динамику развертывания сюжета посредством вопросов, столь характерных для детей, ждущих обещанного: «Где же тут рубашка?» или «Это нитки, ... а где же рубашечка?»[Там же].

Картина труда Таниной семьи в произведении «Как рубашка в поле выросла» дает автору возможность показать юному читателю технологию создания льняной ткани и ввести такие лексические единицы, как «гумно», «трепало», «кострика», «гребень», «челнок», «кросна», «основа», «холст». Читая о создании рубашечки, ребята узнают, что лён топят, колотят, треплют, вычесывают и только потом прядут из него нити, которые станут льняной тканью.

К. Д. Ушинский, изображая в своих произведениях героев-детей, преследовал цель показать ребятам не только пользу труда, но и вред лени, безделья. Персонификацией лени как порока выступает в произведении «Утренние лучи» маленький лентяй[Русская литература для детей 1998: 163], которого не способен разбудить яркий солнечный луч, заставивший проснуться жаворонка, зайчика, обитателей курятника и трудолюбивую пчелку. Все они обратились к выполнению своих повседневных обязанностей, и только лентяй повернулся на другой бок и продолжил спать[Ушинский 1994: 125].

Тема лени и ответственности за выполнение своих обязанностей получает развитие в сказочном рассказе К.Д. Ушинского «Дети в роще», где писатель вновь апеллирует к миру природы как эталону существования, наполненного разумной, полезной трудовой деятельностью. Вместе с тем, автор делает главными героями сказки современных читателю школьников, прямая обязанность которых – прилежно учиться и добывать знания, необходимые во взрослой жизни.

Поступки персонажей К. Д. Ушинского раскрываются путем применения в тексте стилистических средств народного творчества. Уже в начале произведения автор вводит антитезу для погружения читателя в ситуацию уклонения от ответственности. Брат и сестра, главные герои сказки,

попадают в прекрасную тенистую рощу по дороге в школу. Они отправляются туда, потому что в школе «и душно и скучно», а в роще «очень весело».

Бросив азбуки в траву, ребята заходят в шумную рощу и вступают в разговор с несколькими представителями растительного и животного мира, и даже с ручьем, обращаясь к ним с просьбой поиграть. Беседа героев с многочисленными повторами и параллелизмами дает писателю возможность использовать назидательный потенциал народной сказки [Кошкина 2015: 105], постепенно разворачивая ситуацию безответственного поведения детей на фоне повседневного труда, происходящего в природе.

Главные персонажи сказки приглашают повеселиться золотого жучка, желтую мохнатую пчелу, муравья, голубя, белку и серенького зайчика. Они разговаривают с белым цветком земляники, сердитым ручьем и, наконец, обращаются к крошечной красивой малиновке. Такое значительное количество персонажей в сказке Ушинского имеет особое предназначение. Он стремится показать как можно шире мир рощи, который только кажется веселым и беззаботным, а, на самом деле, наполнен упорным трудом его обитателей. Каждый из них должен позаботиться о себе, своем потомстве или других существах. Золотому жучку нужно добыть обед, пчеле собрать мед, а муравью построить жилище, для которого он тащит соломинку «втрое больше себя». Белка спешит запастись орехами на зиму, а голубь строит гнездо для своих птенцов.

Ребята уверены в том, что нечего делать шумному ручью, но, оказывается, что он еще более занят, чем все остальные. Чтобы показать гнев этого героя, автор вкладывает в его уста ряд вопросов и восклицаний, пользуясь фольклорными средствами художественной выразительности: «Разве не я пою людей и животных?» «Кто же, кроме меня, моет белье, вертит мельничные колеса, носит лодки и тушит пожары?», «О, у меня столько работы, что голова идет кругом!» [Ушинский 1994: 127]. В таком же духе отвечает детям и крошечная малиновка, поющая не для развлечения, а

чтобы убаюкать своих деток: «Как ... мне нечего делать?» «Да разве я целый день не ловила мошек, чтобы накормить моих малюток?»[Там же].

Развитие осознания детьми своей ошибки и истинного положения вещей Ушинский показывает при помощи приема градации. Начиная разговаривать с обитателями рощи, ребята веселы, но по мере получения отказов поиграть настроение персонажей меняется, им становится скучно: «... все заняты своим делом, и никто не хочет играть с ними»[Ушинский 1994: 127]. Ответ ручья усугубляет ситуацию. Если живые существа, с которыми дети говорили раньше, просто отказывались веселиться, то ручей рассердился. Он не только был возмущен их поведением, но и открыто назвал их «ленивыми детьми», а обиженная малиновка подвела действие к кульминации, обратившись к ним с вопросом: «А вы что делали сегодня, маленькие ленивцы?» [Там же: 127]. Она догадалась о том, что дети не пошли в школу и ничего не выучили. Сами ничего полезного не делая, они мешали обитателям рощи заниматься важными для их жизнедеятельности делами. Малиновка заканчивает свою речь моралью, предназначенной для воспитания характера маленьких читателей: «Только тому приятно отдохнуть и поиграть, кто поработал и сделал все, что обязан был сделать»[Там же]. После разговора с малиновкой ребятам стало стыдно, и они отправились в школу.

Подводя итоги, можно сказать, что новые персонажи сказок К.Д. Ушинского, которыми выступают предметы неодушевленного мира и герои-дети, дают уникальную возможность исследовать особенности индивидуального подхода писателя к реализации замысла его литературных произведений.

Итак, литературное творчество К. Д. Ушинского представляет собой яркую образовательную прозу, обладающую редким художественным своеобразием. Писатель сумел использовать в своих работах лучшие достижения русского и зарубежного фольклора, концентрирующего

накопленную веками мудрость в доступной человеку в занимательной форме, а также применить средства художественной выразительности, характерные для русских народных сказок.

Большое распространение в творчестве К. Д. Ушинского получили сказки о животных. Они дают автору возможность организовать диалог с читателем, используя зооморфизмы. Персонафикация человеческих пороков в образе животных в высшей степени отвечает поучительным задачам, поставленным автором в процессе создания литературных работ. При этом его герои обладают особой индивидуальностью в своем поведении и представлены посредством такого комичного изображения, которое заставляет улыбнуться и юных, и взрослых читателей.

Олицетворение природных явлений, также являющееся достижением, в первую очередь, устного народного творчества, нашло отражение в сказках К. Д. Ушинского, часто приобретая формы притчи. Автор во многих случаях устами своих персонажей сообщает читателю не только главные законы природных явлений, но и принципы человеческих взаимоотношений. При описании времен года писатель использует огромное количество художественных средств, стараясь передать красоту природных явлений даже в зимнюю стужу.

Обращаясь к жанру бытовой сказки К. Д. Ушинский поднимает проблему труда и трудолюбия, вводит читателя в мир профессионально-трудовых отношений. Знакомясь с этими произведениями, читатель значительно расширяет свои знания и обретают ценность труда, а помогают им в этом молодые герои, проходящие сюжетный путь вместе с читателем. Иногда персонажи проявляют не самые лучшие свои качества, но именно мудрая природа сказок К. Д. Ушинского наставит их на истинный путь.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Творчество К. Д. Ушинского обозначило новый этап в развитии литературной сказки во второй половине XIX века. Она стала именно той авторской сказкой, изучение которой позволило уточнить само понятие. По нашему убеждению, авторская сказка – это литературная сказка с четко выраженным дидактическим началом, заложенным писателем или поэтом, и ориентированным на формирование конкретного педагогического смысла, определяющего поведение человека (персонажа) в конкретной жизненной ситуации и раскрывающего его нравственный потенциал. Вот почему ключевыми понятиями стали добро, труд, уважение и любовь к ближнему. В этом контексте важное место заняла природа как основа того мировосприятия, которое формируется у человека при общении с ней. Отсюда и такое проникновенное и почти романтическое описание природы в сказке «Дети в роще», как и достаточно суровое описание мороза в «Проказах старухи зимы» или лирическое, когда писатель говорит о солнце, утренних лучах и т.д. При этом К.Д. Ушинский прекрасно вписывался в контекст русской литературной сказки XIX века, начало которой справедливо вести с века XVIII. Его знаменитая сказка «История одной яблоньки» возвращала читателя к детским воспоминаниям Л. Толстого, но сам образ сада становился новым пространством, символизирующим человеческий труд и его результаты – от ростка до плода.

Рассматривая пути развития литературной сказки от М. Хераскова до К. Ушинского, мы отмечаем не только трансформацию традиционных фольклорных образов и тем в произведениях писателей, но и, начиная с XIX века, расширение тем, вопросов, а также появление новых, ранее не известных в фольклорной сказке мотивов, сатиры, политических акцентов и тому подобное. Романтическая сказка В. А. Жуковского отходит на второй план. Теперь на первое место выступает не нравственный выбор, который терзал Ундину, а меркантильность и страдания по поводу вынужденной

честности у чиновников, как в сказке «Праздный разговор» М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Особую роль литературная сказка играет именно во второй половине XIX века. В это время она сформировалась как жанр и стала крайне популярной в обществе. Благодаря авторской сказке многие писатели получили возможность выражать свои взгляды на происходящее в стране и русском обществе. Писатели старались обратить внимание читателя на несовершенство государственного устройства, а сказка служила некой призмой, сквозь которую была отображена реальная жизнь. М. Е. Салтыков-Щедрин, Н. Лесков или Л.Н. Толстой все чаще использовали сказку для откровенного разговора о недостатках и явных пороках своего времени. Благодаря сказке, эти авторы могли обойти цензуру и донести до читателя актуальные проблемы, волновавшие общество, выразить свою позицию через сказочных персонажей, которые, подобно сказкам М. Е. Салтыкова-Щедрина, имели нередко фантастический вид («Премудрый пескарь», «Коняга», «Вяленая вобла» и др.). Трудно переоценить и политический подтекст сказки Н. Лескова «Левша».

В то же время заметно усиление педагогической и дидактической составляющей текстов, а мотивы любви, поисков счастья, правды как ценности все чаще стали преобладать на страницах произведений. Таким образом, авторская сказка получила возможность непосредственно влиять на человека, выражать позицию ее создателя, определять нравственный выбор читателя.

Воспитательный характер сказки прекрасно понимали и Л. Н. Толстой, и С. Т. Аксаков, активно наполняя русским духом образы положительных героев. А при написании сказок для сельских учеников в Ясной Поляне Л. Н. Толстой ставил и познавательные задачи. Его произведения всегда учили любви к ближнему, к окружающему миру, в центре которого была природа родного края. Много внимания уделялось использованию сказок в образовании на родном языке. В этом увидел привлекательность жанра и

К. Д. Ушинский. Будучи сам преподавателем, он на практике пришел к выводу, что обучение родному слову на родном языке дает отличный результат. Во многом этому способствует и текст, который читают. Как творческий человек она начинает создавать недлинные, с учетом психологии возраста, но поучительные, приближенные к басням, сказки и рассказы, которые и вошли в знаменитые сборники «Родное слово» и «Детский мир». Сказки К. Д. Ушинского пришлись по душе младшему и взрослому поколению благодаря простому и понятному языку.

В процессе изучения наследия К. Д. Ушинского-писателя мы можем выделить несколько типов сказок, поэтика которых в полной мере соответствует тем педагогическим идеям и задачам, который определяет этот автор в своей профессиональной деятельности:

1) сказки о растениях и животных, в которых активно использовались приемы фито и зооморфизма, и которые имеют тенденцию к сближению с басней или притчей, что значительно усиливало воспитательный эффект;

2) сказки о явлениях природы, имеющие более философское наполнение, обретая эмотивное содержание. Но при этом в полной мере продолжающие фольклорные традиции;

3) «умные сказки», в которых героями нередко становятся «нетипичные» персонажи: мир неодушевленных предметов наполняется человеческим разумом, они обладают речью, обретают характеры, страсти;

4) сказки и сказочные рассказы о детях, в которых мир человека и природы пересекаются, персонажи вступают в диалог, буквально растворяя грань между живым и неживым, объединяя мир в единое целое, полное противоречий и удивительных возможностей к преобразению.

Анализ показал, что литературное творчество К. Д. Ушинского представляет собой яркую образовательную прозу, обладающую редким художественным своеобразием.

Используя прием зооморфизма, писатель создавал целый ряд ассоциативных образов, активно выражающих ту или иную черту

человеческого характера. Не случайно его сказки ситуативные, максимально сконцентрированные на педагогической задаче, как в сказке «Собака!». К. Д. Ушинский исходит всегда из традиционного лексического значения слова, но сюжет выстраивает так, что грубый пес становится носителем добродетели, храбрости. С другой стороны, в сказке «Храбрая собака» писатель обращает внимание на контрасты, которые существуют между смыслом образа – собака – друг, защитник, храбрец – и сущностью. Пес оказывается трусом, он боится волков, хотя и призван оберегать от них стадо. Заголовок получает ироничный оттенок, раскрываясь в полной мере только после прочтения сказки.

Привлекает язык сказок К. Ушинского, потому что автор стремится использовать понятную родную лексику, что в полной мере передает национальный колорит. Его герои-животные не засматриваются, а «зазеваются», «прыгают сдуру», о добыче лиса говорила как о «лакомом Петухе», а ветер свирепел, сердился, мороз трещал и др.

В своих сказках писатель активно использует восклицания, вопросы, чтобы обратить внимание на какое-то действие или проблему как в сказке «Дети в роще», когда речь идет о том, кто больше трудится. Эмотивные ситуации часто настраивают на определенное обострение в споре, чтобы «расставить все точки над *i*» и выразить истину, а иногда и победителя в этом споре, восстановить справедливость. В то же время в сказке «Как рубашка в поле выросла» вопросы помогают заострить внимание на процессе рождения рубашки, от колоска до нитки, от нитки к ткани, от ткани к рубашке. Это тоже важно для писателя, потому что он привлекает внимание и процессу труда, а не только к истории рождения нитки как основы рубашки.

Прямое назидание нередко передается через заголовки, как в сказке «Как аукнется, так и откликнется», в которой история с хитрой лисой подводит к выводу о необходимости внимательнее относиться к окружающим, помнить, что к тебе будут относиться так же, как ты к другим людям. И наказание лисы видится как закономерный результат ее поступков.

Используя известные фольклорные сюжеты, писатель усиливает их воспитательное звучание, как и в сказках «Мужик и медведь», «Лиса и журавль». «Плутешко-кот», сохраняя внешние приметы народной сказки, в том числе зачина «Жили-были...».

В то же время писатель активно разрабатывает устоявшиеся зооморфические типы, и например, лису всегда изображал хитрой плутовкой, барана и козла глупыми, а гусей умными и проворными («Лиса и гуси»).

Персонафикация человеческих пороков в образе животных в высшей степени отвечает поучительным задачам, поставленным автором в процессе создания произведений. При этом его герои обладают особой индивидуальностью в своем поведении и представлены посредством такого комичного изображения, которое заставляет улыбнуться и юных, и взрослых читателей («Плутешко-кот»).

Присутствие эмотивных образов и фито морфных существ, которые часто напоминают известные растения, способствуют в сказках К. Ушинского олицетворению природных явлений. И в этом писатель также продолжает традиции устного народного творчества. Только с этими образами-персонажами читатель встречается в сказках-притчах. Одна из них «Ветер и Солнце», в которой он трансформирует Ярило в солнышко, готовое всех обогреть. Это уже не Ярило, известный в славянской мифологии бог, а обычное природное явление как источник света и тепла. Природное явление выходит на первый план, ему противостоит ветер. И оба образа играют одну образовательную задачу – в художественной форме показать явления природы, которые вполне могут быть ассоциированы с добром и злом. Не случайно те, кто выдерживает противостояние с ветром, считаются сильными и стойкими. И в этом случае сказка К. Д. Ушинского во многом объясняет состояние царевича Елисея в сказке А. С. Пушкина, который еле удерживается в седле во время разговора с ветром во время поиска невесты. В сказке К. Д. Ушинского ветер напоминает человека, грозного, ворчливого, который подобен воину, когда надевает плащ и завязывает пояс, как перед

боем. Своеобразным арбитром между Ветром и Солнцем выступает путник. Он и делает важное заключение о ласке и доброте, которые всегда способны на большее, чем гнев.

Автор во многих случаях устами своих персонажей сообщает читателю не только главные законы природных явлений, но и принципы человеческих взаимоотношений. При описании времен года писатель использует огромное количество художественных средств, стараясь передать красоту природных явлений даже в зимнюю стужу. Но чаще его природа выступает носителем добра. Не случайно одним из самых популярных стал образ радуги, которую писатель воспринимал как радость, а ее многоцветье – как праздник. В то же время писатель умело трансформирует и этот образ, показывая через него каприз, заносчивость и даже неблагодарность. Показательна в этом плане маленькая сказка-басня «Солнце и радуга».

В своих «умных сказках» К. Д. Ушинский своеобразно вводит читателя в мир профессионально-трудовых отношений. В сказке «Два плуга» у него появляются нетипичные герои – предметы труда, быта, мастерская и др. И снова прием олицетворения позволяет иносказательно передать и характеры, и нравы, поговорить о работе, о ценностях труда. Все это делает сказки К. Д. Ушинского интересными и для детей, и для взрослых, открывая мир подлинно педагогической литературы, пронизанной авторскими идеями и мыслями о добре, чести, верности, о зле и предательстве, одним словом, о том, что обычно становится предметом споров, как и чему, как и почему нужно воспитывать молодое поколение, в том числе читателей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Тексты

1. Ушинский К. Д. Собрание сочинений: в 11 т. / К. Д. Ушинский ; Ред. коллегия: А. М. Еголин (глав. ред.), Е. Н. Медынский и В. Я. Струминский; (Вступ. статьи: В. Струминский. «Об изданиях сочинений К. Д. Ушинского. (Историографический очерк)», с. 8-23; Е. Медынский. «Основы педагогической системы К. Д. Ушинского», с. 24-40) ; Акад. пед. наук РСФСР. Ин-т теории и истории педагогики. – Москва ; Ленинград : Акад. пед. наук РСФСР, 1948-1952 (М. : Образцовая тип.) – 10 т.

Т. 1: Ранние работы и статьи. 1846-1856 гг. Т. 1. – 1948-1952. – 740 с.;

Т. 2: Педагогические статьи. 1857-1861 гг. Т. 2. – 1948. – 656 с.;

Т. 3: Педагогические статьи. 1862-1870 гг. Т. 3. – 1948. – 692 с.;

Т. 4: Детский мир и хрестоматия. Т. 4. – 1948. – 678 с.;

Т. 5: Методические статьи и материалы к «Детскому миру». Т. 5. – 1949. – 591 с.;

Т. 6: Родное слово. Т. 6 : Книга для детей год 1-2-й. Родное слово : Книга для учащихся. - 1949. – 445 с.;

Т. 7: Родное слово. Т. 7 : Год 3-й : Руководство к преподаванию по «Родному слову». – 1949. – 356 с.;

Т. 8: Человек как предмет воспитания. Т. 1. Т. 8 : Опыт пед. антропологии. – 1950. – 774 с.;

Т. 9: Человек как предмет воспитания. Т. 2. Т. 9 : Опыт пед. антропологии. - 1950. - 626 с.;

Т. 10: Материалы к третьему тому «Педагогической антропологии». Т. 10. – 1950. – 665 с.;

Т. 11: Материалы биографические и библиографические. Т. 11. 1952. – 727 с.

2. Ушинский К. Д. О пользе педагогической литературы / К. Д. Ушинский. – Санкт-Петербург : тип М. Меркушева, 1895. – 29 с.
3. Ушинский К.Д. Педагогические сочинения : в 6 т. Т. 2 / К. Д. Ушинский; редкол. : М. И. Кондаков (отв. ред.) (и др.) ; вступ. ст., сост. и примеч. С. Ф. Егорова; АПН СССР. – Москва : Педагогика, 1988. – 494 с.
4. Ушинский К. Д. Три элемента школы. Записки русского педагога / К. Д. Ушинский. – Санкт-Петербург : Родина, 2023 – 368 с.
5. Ушинский К. Д. Рассказы и сказки: сборник / К. Д. Ушинский. – Москва : Детская литература, 2014. – 184 с.
6. Ушинский К. Д. Сказки и рассказы / К. Д. Ушинский. – Москва : Аст, 2019. – 256 с. (Школьное чтение).
7. Ушинский К. Д. Маленькие рассказы: для дошкольного и младшего возраста / К. Д. Ушинский. – Москва : Родничок, АСТ, 2013. – 10 с. – ISBN 978-5-89624-563-6.
8. Ушинский К. Д. Рассказы и сказки / К. Д. Ушинский. – Ленинград : Детгиз, 1959. – 62 с.
9. Ушинский К. Д. Русская школа / К. Д. Ушинский. – Москва : Институт русской цивилизации, 2015 – 678 с.
10. Ушинский К. Д. Проказы старухи зимы / К. Д. Ушинский // Ларец сказок – URL: <https://ushinskij-konstantin-pisatel.larec-skazok.ru/proказы-staruhi-zimyu> (дата обращения: 24.12. 2023).
11. Ушинский К.Д. Сказки и рассказы / К. Д. Ушинский // Образовательная социальная сеть. – 2016. – URL: <https://nsportal.ru/nachalnaya-shkola/chtenie/2016/12/28/skazki-i-rassказы-k-d-ushinskogo> (дата обращения: 23.12.2023).
12. Ушинский К. Д. Солнце и радуга / К. Д. Ушинский // Библиотека мини-сказок. – 2017. – URL: <http://skazrus.my1.ru/load/26-1-0-271> (дата обращения: 24.12.2023).
13. Ушинский К. Д. Письма о воспитании наследника русского престола / К. Д. Ушинский. – URL:

[https://ru.wikisource.org/wiki/Письма_о_воспитании_наследника_русского_престола_\(Ушинский\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Письма_о_воспитании_наследника_русского_престола_(Ушинский)) (дата обращения: 15.12.2023).

14. Ушинский К.Д. Труд в его психическом и воспитательном значении / К. Д. Ушинский // Рериховская библиотека. –URL: <https://roerich-lib.ru/index.php/ushinskij/6614-trud-v-ego-psikhicheskom-i-vospitatelnom-znachenii> (дата обращения: 15.12.2023).

15. Ушинский К. Д. Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии. Том I. Часть физиологическая / К. Д. Ушинский // dugward.ru. –URL: http://dugward.ru/library/pedagog/ushinskiy_chelovek1.html (дата обращения: 17.12.2023).

Основные источники

16. Агафонова С. Г. Нравственное воспитание младших подростков в процессе изучения русских сказок / С. Г. Агафонова. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nravstvennoe-voospitanie-mladshih-podrostkov-v-protssesse-izucheniya-russkih-skazok/viewer> (дата обращения: 18.12.2023).

17. Аксаков С. Т. Аленький цветочек / С. Т. Аксаков – Москва : Детиздат, 1938. – 32 с.

18. Александров Я. А. Константин Дмитриевич Ушинский, как составитель «Детского мира» и «Родного слова» / Я. А. Александров – Казань : типо-лит. Имп. ун-та, 1901. – 20 с.

19. Ананьев Б. Г. Педагогическая антропология Ушинского и ее современное значение / Б. Г. Ананьев. – Москва : Б.И., 1968. – 7 с.

20. Аникин В. П. Русская народная сказка / В. П. Аникин. – Москва : Просвещение, 1977. – 208 с.

21. Аникин В. П. Сказки русских писателей / В. П. Аникин. – Москва : Детская литература, 1984. – 687 с.

22. Архив К. Д. Ушинского : в 4 т. / (Сост. и подготовил к печати чл.-корр. АПН РСФСР проф. В. Я. Струминский) ; Акад. пед. наук РСФСР. Ин-т

теории и истории педагогики. – Москва : Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1959-1962.

23. Баринава И. А. О реалиях русской народной сказки и проблеме их перевода / И. А. Баринава, Н. М. Нестерова, Д. А. Сергутина // cyberleninka.ru. – 2016. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-realiyah-russkoj-narodnoj-skazki-i-probleme-ih-perevoda-ili-beyond-the-thrice-nine-land/viewer> (дата обращения: 20.12.2023).

24. Бегак Б. А. Литературный подвиг педагога // Бегак Б. А. Классики в Стране Детства : очерки / Борис Бегак ; худож. Н. Воронова. – Москва : Детская литература, 1983. – 111 с.

25. Белинский В. Г. Сказка за сказкой. I. Сержант Иван Иванович, или Все за одно. Исторический рассказ Н. В. Кукольника / В. Г. Белинский // Lib.ru/Классика. – 2017. – URL: http://az.lib.ru/b/belinskij_w_g/text_0620.shtml (дата обращения: 15.11.2023).

26. Блонский П. П. Избранные педагогические произведения / П. П. Блонский. – Москва : Акад. пед. наук РСФСР, 1961. – 689 с.

27. Богач Д. А. Проблемы понимания образа природы в литературоведческой науке / Д. А. Богач // Вестник ЧГУ. – 2017. – № 6 (402). – С. 22-29.

28. Большакова Т. А. Тема урока «Два плуга». К. Ушинский / Т. А. Большакова // Образовательная социальная сеть. – 2017. – URL: <https://nsportal.ru/shkola/korreksionnaya-pedagogika/library/2017/01/26/tema-uroka-dva-pluga-k-ushinskiy> (дата обращения: 25.10.2023).

29. Бранкович В. П. Педагогическое наследие К. Д. Ушинского в современной практике воспитания и обучения / В. П. Бранкович. – Киев : Вища школа, 1980. – 98 с.

30. Бунаков Н. Ф. Всемирный педагог Песталоцци и русский педагог Ушинский / Н. Ф. Бунаков // Русский начальный учитель. – 1895. – № 4.

31. Власов В. «Родное слово» и «Детский мир» К. Д. Ушинского как источники и средство эстетического воспитания учащихся : (письмо в

редакцию) / В. Власов, В. Макаев // Педагогика. – 2002. – № 4. – С. 102-104.
Эстетическое воспитание на уроках чтения в начальной школе.

32. Водовозова Е. Н. На заре жизни : Воспоминания Е. Н. Водовозовой / Е. Н. Водовозова. – Санкт-Петербург: тип. 1 Спб. труд. артели, 1911. – 608 с.

33. Вохмина Н. Н. Беседа по рассказу К. Д. Ушинского «Дети в роще» / Н. Н. Вохмина // Инфоурок. Ведущий образовательный портал России. – 2017. – URL: <https://infourok.ru/beseda-po-rasskazu-k-d-ushinskogo-deti-v-rosche-1829717.html> (дата обращения: 25.10.2023).

34. Выготский Л. С. Психология искусства / Л. С. Выготский. – Москва : Искусство, 1986. – 573 с.

35. Гаршин В. М. Лягушка-путешественница / Гаршин, В. М. – Москва : Детгиз, 1948. – 15 с.

36. Гаршин В. М. То, чего не было / В. М. Гаршин. – Москва : Детская литература, 1984. – 47 с.

37. Гаршин В.М. Лягушка-путешественница / В. М.Гаршин. – Москва: Детгиз, 1948. – 15 с.

38. Голубятникова А. А. Урок литературного чтения К. Ушинского «Солнце и радуга» / А. А. Голубятникова // Инфоурок. Ведущий образовательный портал России. – 2018. – URL: <https://infourok.ru/urok-literaturnogo-chteniya-kushinskiy-solnce-i-raduga-3064896.html> (дата обращения 20.12.2023).

39. Гончаров Н. К. К. Д. Ушинский – великий педагог-гуманист / Н. К. Гончаров. – Москва : Знание, 1974. – 272 с.

40. Гончаров Н. К. Материалистические черты в педагогической системе К. Д. Ушинского / Н. К. Гончаров // Советская педагогика. – 1945. – № 12. – С. 11-12.

41. Горячева И. А. Путь к родному слову : обучение детей чтению по книгам К. Д. Ушинского / И. Горячева. – Москва : Издательство Православного Братства Святителя Филарета Московского, 2002. – 181 с.

42. Горячкина М. С. Сатира Салтыкова-Щедрина / М. С. Горячкина – Москва : Просвещение, 1965. – 234 с.

43. Гриценко И. П. Сказка в культурно-бытовом, творческом и общественном контексте жизни Л. Н. Толстого / И. П. Гриценко. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/skazka-v-kulturno-bytovom-tvorcheskom-i-obshchestvennom-kontekste-zhizni-l-n-tolstogo/viewer> (дата обращения: 27.12.2023).

44. Гуменнова С. С. Амели Нотомб: современная литературная сказка («Рике с хохолком» и «Синяя борода»): Выпускная квалификационная работа бакалавра / С.С. Гуменнова / науч. руков. И. Н. Артемьева. Санкт-Петербург: Издательство «Российский государственный гидрометеорологический университет», 2019. – 51 с.

45. Давыдова А. В. Семантика ветра в произведениях Северного текста русской литературы для детей / А. В. Давыдова // Северо-восточный гуманитарный вестник. – 2023. – № 3 (44). – С. 126-136.

46. Данилов М. А. Дидактика К. Д. Ушинского / М. А. Данилов ; Под ред. действ. чл. АПН РСФСР Е. Н. Медынского. – Москва ; Ленинград : изд-во и тип. Изд-ва Акад. пед. наук РСФСР, 1948 (Москва). – 172 с. (Педагогическая библиотека учителя / Акад. пед. наук РСФСР. Ин-т теории и истории педагогики). – URL: http://elib.gnpbu.ru/textpage/download/html/?book=danilov_didaktika-ushinskogo_1948&bookhl (дата обращения 05.01.2024).

47. Демченко Л. Н. Образ солнца в произведениях мировой литературы / Л. Н. Демченко // European journal of literature and linguistics. – 2019. – №. 3. – С. 22-25.

48. Днепров Э. Д. Ушинский и современность/ Э. Д. Днепров. – Москва : Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007. – 232 с.

49. Драгайкина Т. А. Переосмысление сказочных мотивов в стихотворной повести М. М. Хераскова «Бахариана» / Т. А. Драгайкина. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pereosmyslenie-skazochnyh-motivov-v->

stihotvornoy-povesti-m-m-heraskova-bahariana/viewer (дата обращения: 07.01.2024).

50. Душенко К. В. Большая книга афоризмов / К. В. Душенко / под. ред. М. Яновской. – Москва : Эксмо, 2010. – 1056 с. – ISBN 5-04-003141-6.

51. Егорова О. А. Художественное своеобразие русских и английских социально-бытовых сказок / О. А. Егорова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2018. – № 5(83). – Ч. 2. – С. 260-263.

52. Еремеев С. Н. Интерпретация сказочных сюжетов и волшебной сказочной повествовательной структуры в сказках В. А. Жуковского / С. Н. Еремеев. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/interpretatsiya-skazochnyh-syuzhetov-i-volshebno-skazochnoy-povestvovatelnoy-struktury-v-skazkah-v-a-zhukovskogo/viewer> (дата обращения: 08.01.2024).

53. Жаркова А. В. Русские зооморфизмы – названия домашних животных (на фоне литовского языка) / А. В. Жаркова // Вестник МГПУ. – 2011. – № 6. – С. 202-211.

54. Жигулева А. Народные пословицы в учебных книгах К. Д. Ушинского / А. Жигулева // Дошкольное воспитание. – 1995. – №7. – С. 13-18.

55. Жуковский В.А. Сказки. Стихи / В. А. Жуковский. – Москва: Фабрика детской книги Детгиза Наркомпроса РСФСР, 1942. – 115 с.

56. Жуковский В. А. Ундина: Старин. повесть, рассказ. на нем. яз. в прозе бар. Ф. Ламотт Фуке, на рус. в стихах - В. Жуковским / В.А. Жуковский. – Санкт-Петербург : тип. Экспедиции заготовления гос. бумаг, 1837. – 244 с.

57. Захарищева М.А. Ушинский К.Д. о подготовке учителей: аксиологическая модель / М. А. Захарищева // Историко-педагогический журнал. – 2019. – № 3. – С. 145-153.

58. Зубченко В. В. Зооморфные компоненты в текстах басен и эпиграмм (на материале произведений XX века) : дис. ... канд. пед. наук :

10.02.01 / Зубченко Виолетта Вадимовна ; ФГБОУ ВО КУБГУ. – Краснодар, 2022. – 28 с.

59. Ибатуллина Г. М. Национально-исторический миф и пути его интерпретации в рассказе Н. С. Лескова «Левша» / Г. М. Ибатуллина. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalno-istoricheskiy-mif-i-puti-ego-interpretatsii-v-rasskaze-n-s-leskova-levsha/viewer> (дата обращения: 10.01.2024).

60. Игнатъева Т. Е. Комплексный анализ рассказа К.Д. Ушинского «История одной яблоньки» / Т. Е. Игнатъева // Образовательная социальная сеть. – 2017. – URL: <https://nsportal.ru/shkola/russkiyazyk/library/2020/04/08/tehnologicheskaya-karta-uroka-russkogo-yazyka-v-6-klasse> (дата обращения: 25.12.2023).

61. К.Д.Ушинский и русская школа: Беседы о великом педагоге/Под общей ред. Е.Белозерцева. – М.: Роман-газета, 1994. – 192 с.

62. Казанский Н. Дидактические взгляды К. Д. Ушинского (к 70-летию со дня смерти) / Н. Казанский // В помощь учителю. – 1940. – № 12. – С. 3-7.

63. Канокова Л.Ю. К вопросу о философии педагогической науки: вчера, сегодня, завтра // Евразийский юридический журнал. – 2021. – № 3 (154). – С. 406-407.

64. Каптерев П. Ф. История русской педагогики, изд. 2-е, доп. / П. Ф. Каптерев. – Петроград, 1915.

65. Кобленкова Д. В. «Лягушка-путешественница» В. Гаршина, Н. Эрдмана, В. Караваева и В. Петкевича в системе философско-этических и социально-политических контекстов XIX-XXI вв. / Д. В. Кобленкова. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lyagushka-puteshestvennitsa-v-garshina-n-erdmana-v-karavaeva-i-v-petkevicha-v-sisteme-filosofsko-eticheskikh-i-sotsialno-politicheskikh/viewer> (дата обращения: 05.01.2024).

66. Королькова Я. В. О соотношении литературной сказки и фэнтези / Я. В. Королькова. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-sootnoshenii-literaturnoy-skazki-i-fentezi/viewer> (дата обращения: 08.01.2024).

67. Костарнова О. С. Жанровые характеристики бытовой сказки (на материале современных русских, английских и итальянских сказок) / О. С. Костарнова // Вестник МГЛУ. – 2021. – № 6 (848). – С. 59-71.

68. Кочетова П. Б. Рассказцы и деловые статьи К. Д. Ушинского как первооснова формирования личности ребенка / П. Б. Кочетова // Начальная школа. – 2020. – № 8. – С. 28-30(Воспитание и обучение).

69. Кошкина С.С. Изобразительно-выразительные средства в русской народной сказке и литературной сказке и их видовое разнообразие / С. С. Кошкина // Евразийский союз ученых. – 2015. – № 10 (19). – С. 105-108.

70. Кузюткин М. А. Творчество Ф.И.Богдановича: история изучения / М. А. Кузюткин. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tvorchestvo-i-f-bogdanovicha-istoriya-izucheniya/viewer> (дата обращения: 07.01.2024).

71. Кульпина В. В. Жанр литературной сказки в творчестве русских писателей / В. В. Кульпина // Сборник работ молодых ученых МГПУ. – Москва: МПГУ, 2009. – С. 134-139.

72. Лань Ян Дидактика Ушинского К.Д. и ее приложение в новом мире // Власть истории – История власти. – 2023. — № 45. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/didaktika-ushinskogo-k-d-i-eyo-prilozhenie-v-novom-mire> (дата обращения: 05.01.2024).

73. Лебедев А. Педагог русских педагогов / А. Лебедев // «Педагогический листок». – 1910. – кн. 8.

74. Леонова Т. Г. Русская литературная сказка XIX века в ее отношении к народной сказке: (Поэтич. система жанра в ист. развитии) / Т. Г. Леонова. – Томск: Изд-во Томского университета, 1982. – 197 с.

75. Лесков Н. С. Левша : (сказ о тульском косом Левше и о стальной блохе) / Н. С. Лесков. – Москва : НЭБ Свет, 2020. – 87 с.

76. Лордкипанидзе Д. О. Педагогическое учение К. Д. Ушинского) / Д. О. Лордкипанидзе. – Тбилиси : Изд-во Тбилис. ун-та, 1974. – 440 с. (первое изд. 1948).

77. Лупанова И. П. Русская народная сказка в творчестве писателей первой половины XIX века / И. П. Лупанова. – Петрозаводск : Госиздат Карельской АССР, 1959. – 504 с.

78. Малина Е.В. Фольклор в литературном творчестве / Е. В. Малина // Алые паруса: проект для одаренных детей. – URL: <https://nsportal.ru/ap/library/literaturnoe-tvorchestvo/2012/01/10/folklor-v-literaturnom-tvorchestve> (дата обращения: 23.12.2023).

79. Мариничева Ю. Ю. Русские сказки о животных: система персонажей / Ю. Ю. Мариничева // Антропологический форум. – 2023. – № 15. – С. 216-233.

80. Мартыненко Л. Б. Мифологизированный образ Мороза в русском фольклоре и литературе XIX – начала XX века / Л. Б. Мартыненко, С. С. Авдеев // Наследие веков. – 2015. – № 2. – С. 24-30.

81. Медынский Е. Н. Известия АПН РСФСР. Вып. 5: Проблемы истории русской педагогики / Е. Н. Медынский // elib.gnpbu.ru. – URL: http://elib.gnpbu.ru/textpage/download/html/?book=izvestiya-apn_vyp5_1946&bookhl (дата обращения: 05.01.2024).

82. Модзалевский Л. Н. Очерк истории воспитания и обучения с древнейших до наших времен / Л. Н. Модзалевский. – Санкт-Петербург : Алетей, 2000. – 368 с. – ISBN 5-89329-190-5.

83. Намычкина Е. В. Сказка как литературный жанр / Е. В. Намычкина // Вестник ВГГУ. – 2010. – № 3-2. – С. 103-109.

84. Нечипуренко А.А. Образ кошки в русской и мировой литературе / А. А. Нечипуренко // Новаинфо. – 2014. – URL: <https://novainfo.ru/article/2640> (дата обращения: 03.01.2024).

85. Никитченков А. Ю. Произведения устного народного творчества как учебный материал в российских учебных заведениях XIX – начала XX века / А. Ю. Никитченков. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/proizvedeniya-ustnogo-narodnogo-tvorchestva->

kak-uchebnyy-material-v-rossiyskih-uchebnyh-zavedeniyah-xix-nachala-xx-v/viewer (дата обращения: 20.12.2023).

86. Никитченков А. Ю. Устно-поэтические тексты в учебных книгах Л. Н. Толстого и К. Д. Ушинского / А. Ю. Никитченков. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ustno-poeticheskie-teksty-v-uchebnyh-knigah-l-n-tolstogo-i-k-d-ushinskogo/viewer> (дата обращения: 02.01.2024).

87. Овчинникова Л. В. Русская литературная сказка XX века : история, классификация, этика : учебное пособие / Л. В. Овчинникова. – 2. изд., испр. и доп. – Москва : Флинта : Наука, 2003. – 312 с. – ISBN 5-89349-492-X.

88. Одоевский В. Ф. Пестрые сказки с красным словцом, собранные Иринею Модестовичем Гомозейкой, магистром философии и членом разных ученых обществ, изданные В. Безгласным / В. Ф. Одоевский. – Москва : Книга : Ред.-изд.центр «Канон», 1991. – 184 с. – ISBN 5-212-00449-7.

89. Одоевский В.Ф. Пестрые сказки / В. Ф. Одоевский. – Санкт-Петербург: Наука, 1996. – 213 с. ISBN 5-02-02804-9.

90. Одоевский В.Ф. Пестрые сказки с красным словцом, собранные Иринею Модестовичем Гомозейкой, магистром философии и членом разных ученых обществ, изданные В. Безгласным / В. Ф. Одоевский. – Санкт-Петербург: Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1833. – 184 с.

91. Острогорский А.Н. Предисловие // Собрание неизданных сочинений К. Д. Ушинского, Материалы для «Педагогической антропологии», т. III. – СПб., 1908.

92. Панков Н. И. Дидактические взгляды К. Д. Ушинского / Н. И. Панков // Ученые записки Куйбышевского педагогического и учительского института им. В. В. Куйбышева. – Куйбышев, 1940. Вып. 4. – С. 85-144.

93. Педтиев В. И. К. Д. Ушинский - российский энциклопедист XIX в. : (очерки для преподавателей и студентов) / В. И. Педтиев ; М-во образования и науки Российской Федерации, Ярославский гос. Педагогический ун-т им. К. Д. Ушинского. – Ярославль : ЯГПУ, 2006. – 189 с. – ISBN 5-87555-364-2.

94. Подойницына О. Э. «Богатырская сказка» Н. М. Карамзина / О. Э. Подойницына. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bogatyrskaya-skazka-n-m-karamzina/viewer> (дата обращения: 07.01.2024).

95. Попова С.А. Авторские сказки К.Д. Ушинского. «Лиса и козел» / С. А. Попова // Открытый урок. – 2011. – URL: <https://urok.1sept.ru/articles/594425> (дата обращения: 03.01.2024).

96. Пропп В.Я. Поэтика фольклора / В. Я. Пропп. - Москва : Лабиринт, 1998. – 351 с. (Собрание трудов). –ISBN 5-87604-065-7.

97. Рудова Л. Бен Хеллман. Сказка и быль: История русской детской литературы. М. : новое литературное обозрение, 2016 // Детские чтения. 2017. №1 (11). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ben-hellman-skazka-i-byl-istoriya-russkoj-detskoj-literatury-m-novoe-literaturnoe-obozrenie-2016> (дата обращения: 08.01.2024).

98. Русская литература для детей. Учеб. пособие. Для студ. сред. пед. учеб. заведений / Под ред. Т. Д. Полозовой. – 2-е изд, испр. – М.: Асайте А, 1998. – 443 с.

99. Сакулин П. Н. Из истории русского идеализма : Кн. В. Ф. Одоевский : Т. 2. Ч. 2 Мыслитель. Писатель. / П. Н. Сакулин. – Москва: Издание М. и С. Сабашниковых, 1913. – 314 с.

100. Саломатина Л. С. К. Д. Ушинский о необходимости сезонного построения хрестоматий по чтению и современные книги по литературному чтению / Л. С. Саломатина // Начальная школа. – 2005. – № 1. – С. 16-20. – (Воспитание и обучение).

101. Салтыков-Щедрин М. Е. Сказки / М. Е. Салтыков-Щедрин. – URL: <http://saltykov-schedrin.lit-info.ru/saltykov-schedrin/skazki/prazdnyj-razgovor.htm> (дата обращения 09.01.2024).

102. Сетин Ф. Мастер родного слова : (писатель и педагог) / Ф. Сетин // Детская литература. –1974. – № 2. – С. 25-27.

103. Сказка за сказкой : в 4 т. - Санкт-Петербург : тип. К. Крайя, 1841-1844. – Т. 1. 1841. – 302 с.

104. Соболева А. В. Загадки-смекалки : Практ. пособие для логопедов, воспитателей и родителей : Учеб.-метод. пособие / А. В. Соболева; Под ред. проф. Т. Б. Филичевой. – Москва : Гном и Д, 2000. – 96 с. (Серия «В помощь логопеду»). – ISBN 5-296-00042-0.
105. Струминский В. Я. Архив Ушинского / В.Я. Струминский // Советская педагогика. – 1946. – № 12.
106. Сударкина Т. В. Поучительный вывод на основании житейской истории в сказке-притче К.Д. Ушинского «Ветер и Солнце» / Т. В. Сударкина // Образовательная социальная сеть. – 2015. – URL: <https://nsportal.ru/nachalnaya-shkola/chtenie/2015/01/27/pouchitelnyy-vyvod-na-osnovanii-zhiteyskoj-istorii-v-skazke> (дата обращения: 04.01.2024.).
107. Сухоруков Е. А. Соотношение понятий «Фольклорная - литературная - авторская сказка» (на примере современных экологических авторских сказок) / Е. А. Сухоруков // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2014. – № 3. – С. 144-151.
108. Тмарченко Н. Д. Теоретическая поэтика : хрестоматия-практикум : учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности 021700 - Филология / Н.Д. Тмарченко. – Москва : Академия, 2004 (ГУП Саратов. полигр. комб.). – 399 с. (Высшее профессиональное образование. Филология). – ISBN 5-7695-1692-5.
109. Тархова Н. А. Литературная сказка пушкинского времени / Н. А. Тархова. – Москва: «Правда», 1988. – 479 с.
110. Теоретическая поэтика: понятия и определения : Хрестоматия / Рос. гос. гуманитарн. ун-т; Авт.-сост. Н.Д. Тмарченко. – Москва : РГГУ, 2001. – 446 с.
111. Тиманова О.И. Литературно-эстетическая концепция В. Г. Белинского и место в ней сказки / О. И. Тиманова. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/literaturno-esteticheskaya-kontseptsiya-v-g-belinskogo-i-mesto-v-ney-skazki/viewer> (дата обращения: 07.01.2024).

112. Тихомиров Д. И. Значение К. Д. Ушинского для народной школы / Д. И. Тихомиров // Педагогический листок. – 1901.– Кн. 3-я. – С. 277-280.

113. Тодоров Л.В. Народное и детское чтение в педагогической системе Ушинского / Л.В. Тодоров // Советская педагогика. – 1973. – № 9. – С.142-146.

114. Тодоров Л. В. Народное и детское чтение в педагогической системе К.Д. Ушинского : Методика изучения поэтических произведений на уроках русской литературы в национальной школе РСФСР : автореферат дис. ... доктора педагогических наук : 13.00.02 / Л. В. Тодоров ; АПН СССР НИИ. – Москва, 1989. – 36с.

115. Троицкий В. Ю. Художественные открытия русской романтической прозы 20-30-х годов XIX в. / В. Ю. Троицкий. – Москва : Акад. наук СССР, Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького, 1985. – 277 с.

116. Трушина М. Д. Образ радуги в мифологии, фольклоре и литературе / М. Д. Трушина // Вестник науки. – 2020. – Т.2. – № 12 (33). – С. 41-47.

117. Турьян М. А. Приложение к факсимильному воспроизведению издания 1833 года; Сказки Ириней Модестовича Гомозейки / М. А. Турьян. – Москва : Книга, 1991. – 47 с. – ISBN 5-212-00449-7.

118. Успенский Г. И. Полное собрание сочинений / Г. И. Успенский.– Москва: АН СССР, 1952. – 711 с.

119. Хайрутдинова Г. А. Семантика и образный потенциал лексемы «зима»(на материале поэзии XIX–XXI вв.)/ Г. А. Хайрутдинова // Ученые записки Казанского университета. – 2014. – Т. 156. – Кн. 5. – С. 155-161.

120. Хализев В. Е. Теория литературы / В. Е. Хализев. – Москва : Высшая школа, 1999. – 437 с. – ISBN 5-06-005217-6.

121. Хеллман Б. Сказка и быль / Б. Хеллман. – Москва : Новое литературное обозрение, 2016. – 560 с. – ISBN 978-5-4448-0561-9.

122. Херасков М. М. Бахариана, или Неизвестный. Волшебная повесть, почерпнутая из русских сказок. Вступление / М. М. Херасков // Избранные произведения. – Москва, 1961. – С. 239-244.

123. Хуторской А. В. Дидактическая система К.Д. Ушинского / А. В. Хуторской // Школьные технологии. –2010. –№ 5. – С. 67-70.

124. Цикушева И. В. Жанровые особенности литературной сказки (на материале русской и английской литературы) / И. В. Цикушева // Вестник АГУ. – 2008. - № 1. – С. 21-24.

125. Чавдаров С. Х. Дидактические принципы Ушинского и советская педагогика / С. Х. Чавдаров// Учительская газета. – 1941.

126. Чехов Н. В. «Родное слово» для земских школ (памяти К. Д. Ушинского) / Н.В. Чехов // Труды 2-го Всероссийского съезда имени К. Д. Ушинского, вып. 1, СПб., 1914.

127. Щедрин М. Е. 23 сказки М.Е. Салтыкова (Щедрина) / М. Е. Щедрин. – Москва : тип. М.М. Стасюлевича, 1886. – 240 с.

128. Юрова Д. Анализ «Родного слова» Ушинского / Д. Юрова // Педагогика. – 1998. – № 3. – С. 14-21.

Справочная литература

129. Бабенко Л. Алфавит эмоций. Словарь-тезаурус эмотивной лексики / Л. Бабенко. – М.: Издательско-торговый дом «Гнозис», 2022. 432 с.

130. Большой толковый словарь русского языка / (гл. ред. С. А. Кузнецов). –Санкт-Петербург : Норинт; Москва : Рипол классик, 2008. - 1534 с. (Библиотека энциклопедических словарей (БЭС)).

131. Константин Дмитриевич Ушинский // Арзамасцева И. Н. Детская литература : учебник для студентов высших и средних педагогических учебных заведений / И. Н. Арзамасцева, С. А. Николаева. – Москва : Высшая школа : Академия, 2000.– С. 168-172.

132. Константин Дмитриевич Ушинский (1824-1870) // Тимофеева И. Н. 100 книг вашему ребенку : беседы для родителей / И. Н. Тимофеева; Гос. публ. б-ка им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. – Москва : Книга, 1987. – С. 134-135. (Библиотека для родителей).

133. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка : 100000 слов, терминов и выражений : [новое издание] / Сергей Иванович Ожегов ; под общ. ред. Л. И. Скворцова. – 28-е изд., перераб. – Москва : Мир И образование, 2015. – 1375 с.

134. Словарь русского языка: в 4 т. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. ; (гл. ред. А. П. Евгеньева ; выполн. Л. П. Алекторовой и др.). – Изд. 3-е, стер. – Москва : Русский язык, 1985-1988. – Т. 1. – 1985. – 702 с.; Т. 2. – 1986. – 736 с.; Т. 3. – 1987. – 749 с.; Т. 4. – 1988. – 795 с.

Т. 1 Т. 1: А – Кюрины. Т. 1 / сост.: Г. О. Винокур и др. ; под ред. Д. Н. Ушакова. – 2007. – 1562 с.;

Т. 2: Л – Ояловеть. Т. 2 / гл. ред.: Б. М. Волин и Д. Н. Ушаков ; сост.: В. В. Виноградов и др. ; под ред. Д. Н. Ушакова. – 2007. – 1039 с.;

Т. 3: П – Ряшка. Т. 3. – 2007. – 712 с.;

Т. 4: С – Ящурный. Т. 4. – 2007. – 752 с.

135. Толковый словарь живого великорусского языка В.И. Даля / В. И. Даль. – Санкт-Петербург : Тип. М. О. Вольфа, 1903.

136. Толковый словарь русского языка : (в 4 томах) / сост. В. В. Виноградов (идр.) ; под ред. Д. Н. Ушакова ; гл. ред. Б. М. Воли и Д. Н. Ушакова. – Москва : Терра-Кн. клуб, 2007. (Народная библиотека «Огонька»).

137. Толковый словарь русского языка в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. – 4-е изд. – Москва : Советская энциклопедия, 1947. – Т. I. 1935. – 821 с.

138. Ушинский Константин Дмитриевич (1824-1870)// Тубельская Г. Н. Детские писатели России. Сто тридцать имен : биобиблиографический справочник / Г. Н. Тубельская, Ю. Я. Соболевская ; Г. Н. Тубельская. – Москва : Русская школьная библиотечная ассоциация, 2015. – С. 353-356.